

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 19 (3675)

Вторник, 12 февраля 1957 г.

Цена 40 коп.

К 40-летию ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

ГОД БОЛЬШОГО РАСЦВЕТА

ПРОДОЛЖАЕМ публикацию бесед с министрами культуры союзных республик о наиболее интересных событиях культурной жизни, которые произошли в юбилейном 1957 году. Сегодня на вопросы корреспондента «Литературной газеты» отвечает министр культуры Узбекской ССР А. Кучкаров.

Вопрос: Раньше всего нам хотелось бы узнать, что делает министерство для увеличения выпуска художественной литературы.

Ответ: Самой приятной новостью для узбекских читателей является, по моему мнению, создание у нас своего Гослитиздата — Узбекского государственного издательства художественной литературы. Уже в этом году оно выпустило большое количество книг для массового читателя. Думаю, что создание своего Гослитиздата будет приветствовать и узбекские писатели, поскольку именно их произведения в первую очередь сойдут с поточных линий типографии, которые обслуживают это новое издательство. С другой стороны, увеличится выпуск узбекской литературы в переводах на русский язык — для всеобщего читателя. Так, в связи с предстоящей в Москве в 1958 году юбилейной декадой узбекского искусства и литературы московские издательства — Музгиз, «Искусство», Детгиз и «Советский писатель» — выпустят 57 произведений узбекских авторов. Вспомним, что во время декады 1951 года в Москве вышло всего семь книг.

Вопрос: Расскажите о том новом, что принесли этот год узбекскому искусству.

Ответ: Новым является ансамбль народного танца под руководством замечательного мастера узбекского балетного искусства, народной артистки Мукаррам Турғунбаевой. Во-вторых, возобновляет свою работу созданный при Главном

управлении радиотелевизионной информации оркестр народных инструментов под руководством заслуженного деятеля искусств Юнуса Ражаби. Увеличивается состав хора Театра оперы и балета имени А. Навои за счет привлечения лучших исполнителей из числа молодежи. Решено увеличить и творческий состав Узбекского академического театра драмы имени Хамзы, также за счет привлечения молодых талантливых узбекских артистов. Решено увеличить штат симфонического оркестра и хоровой капеллы Узбекской государственной филармонии. Улучшается работа театров и концертных организаций республики.

Вопрос: Что нового можно ожидать в области кино?

Ответ: Я считаю, что за последний год работа Ташкентской киностудии несколько улучшилась. В 1956 году выпущены три художественных фильма, которые приняты на всесоюзный экран. В настоящее время студия работает над созданием новых фильмов. В 1957 году будут выпущены: «По путевке Ленина» — об организации в Ташкенте первого университета, «Случай в пустыне» — фильм для юношества о бдительности, «Рыбаки Арала» — о каракалпакских тружениках и нескольких других.

Могут сообщить и такую новость: работники узбекской и индийской киноматографии в творческом содружестве создадут художественный фильм по мотивам Ведаля «Комде и Модан». Кроме того, на экраны страны будет выпущен фильм-спектакль «Доля Ганга» (по мотивам романа Р. Тагора «Крушение»), поставленный Узбекским академическим театром драмы имени Хамзы.

Решено создать также художественный кинофильм и кинолетопись, посвященные освоению Голубиной степи, фильм-концерт, отображающий успехи в развитии искусства народов Узбекской ССР, а также документальный фильм об архитектурных памятниках Узбекистана (Самарканд, Бухара и Хива).

* Создан Гослитиздат Узбекистана.
* Ансамбль народного танца.
* Улучшается работа театров и концертных организаций.
* Новая узбекская декада в Москве.
* Совместная постановка узбекских и индийских кинематографистов.

Вопрос: Какие меры принимает министерство для подготовки национальных кадров певцов и музыкантов?
Ответ: С 1957/58 учебного года в Ташкентскую консерваторию будет принято вне конкурса немало способных музыкантов. Кроме того, наиболее талантливая узбекская молодежь будет направляться на учебу в Московскую и Ленинградскую консерватории.

ТАШКЕНТ. (Наш корр.)

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ПОЕЗД пришел на станцию Алчевская в самое неудобное для пассажиров время — в три часа ночи. Пока небольшая группа командировочных обсуждала, идти ли пешком сейчас или дожидаться рассвета, подъехали такси и автобус. Через полчаса мы уже расхаживали по чистеньким номерам трехэтажной заводской гостиницы. Мне не спалось. Три раза за четверть века я был на этом заводе. И вот я опять здесь. Что увижу завтра? Каким стал завод?

Бывает так. Сложится у тебя впечатление о заводе или городе и остается неизменным. Уже давно зарос город, неузнаваемым стало лицо завода, а в твоих представлениях они все такие же, как и были. Так у меня получилось и с Алчевским, ныне Ворошиловским заводом. Насыщался я про него немало плохого, а первое знакомство с заводом в 1931 году только подтвердило создавшееся представление.

Не очень беспокоило правление акционерного металлургического общества (ДЮМО) во главе с помощником Алчевским от условий труда рабочих на заводе, который был пущен в 1896 году. Строгий завод с расчетом на ручную труд, тридцатитонную мартеновскую печь обслуживало девять человек. Обливаясь потом, они плечами выталкивали на площадку вагонетки с шихтой, вываливали их содержимое на плиты и заваливали в ручную.

Алчевский завод был проклятым наследием капитализма, ачужого, беспощадного, хищного. После консервации он был пущен в 1927 году, за четыре года его не успели реконструировать. Донецкие металлурги пугали неравилью: «Смотри, выгорит — на Алчевский завод пошлют».

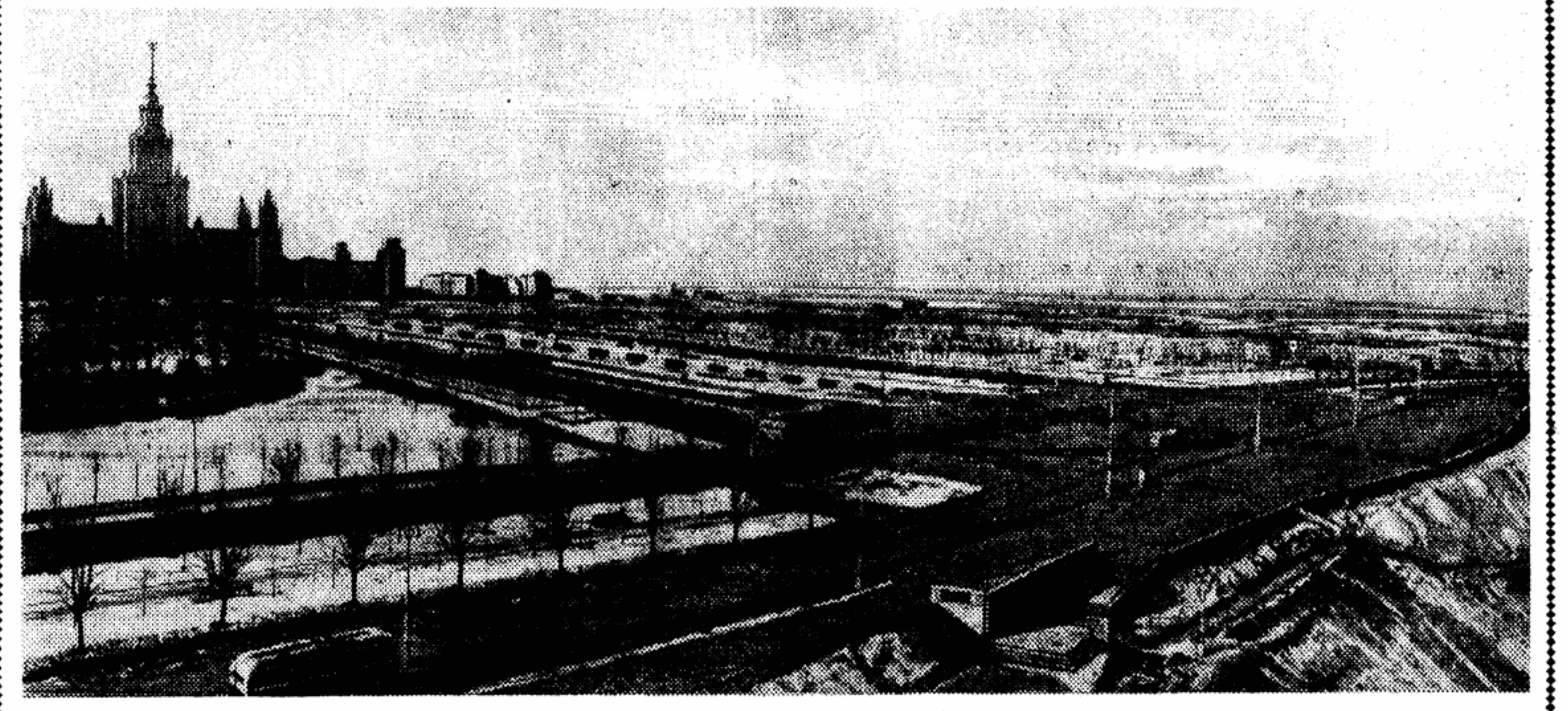
И город Алчевск оставался малопривлекательным. Вернее сказать, города не было. Заводской поселок из беспорядочно разбросанных, мрачных серо-коричневого мергеля домов весьма отдаленно напоминал собой город.

Следующее посещение во время Отечественной войны оставило у меня самые тягостные воспоминания. Колонна автомашин, на которых мы эвакуировались, проходила мимо завода. Нависали сумерки. Моросил дождь, мелкий, как иль, и все вокруг казалось еще более неприглядным. Такую погоду на Украине называют образным словом «мряка».

Впрочем, самая лучшая погода не могла бы скрасить настроения. Позади оставался Донбасс с замершими заводами, опустевшими шахтами, впереди — далекий путь на Урал, в Сибирь.

Из Ворошиловки уехали не все. Гитлеровцы были остановлены в районе Дебальцево, и на заводе, в восемнадцати километрах от фронта, продолжалась напряженная трудовая жизнь. Здесь были организованы мастерские, где ремонтировали танки, автомашины, тракторы, орудия, потные, посевные кухни. Слышь пятисот бомб сбросили гитлеровцы на завод, но ни варварские бомбежки, ни постоянная угроза внезапного захвата завода не сломили волю коллектива.

Весной 1942 года под самым носом гитлеровцев была пущена доменная печь № 4, и ворошиловцы стали снабжать литейным чугуном заводы Сталинграда, Юга и Кавказа. Это была единственная домна, которая работала в Донбассе. Работа у этой

Нет, пожалуй, в Москве места красивее, чем площадь, раскинувшаяся перед зданием университета на Ленинских горах. Хороша она зимой, хороша и летом, когда зеленеют партеры газонов, расстилаясь красочные ковры цветников, бьют многоструйные фонтаны. С балюстрады (она видна в правом углу нашего снимка), проходящей по самой бровке Ленинских гор, открывается чудесная панорама. Отсюда видна вся Москва: и древний Кремль, и кварталы новых домов, заводы, фабрики, парки, бульвары, скверы. А ближе, в излучине Москвы-реки, находится Центральный стадион имени В. И. Ленина с его замечательными спортивными площадками. Ближайшее время, когда этот новый район города украсит еще два выдающихся сооружения. Юго-западнее университета поднимается Дворец Советов. На площади, близ бровки Ленинских гор, в самой высокой точке города будет воздвигнут памятник Владимиру Ильичу

Ленину — великому основателю Советского государства и Коммунистической партии Советского Союза. Это будет выдающееся произведение монументального искусства, величественное и простое. Памятник создадут из высококачественных и долговечных материалов — гранита, мрамора, нержавеющей стали, бронзы. Воздвигнут на пьедестале скульптура В. И. Ленина будет стоять среди сквера. Еще нельзя точно указать место, где будет построен памятник. Оно определится в результате недавно объявленного Всесоюзного конкурса. По его условиям памятник должен быть сооружен по оси нового здания Московского государственного университета и Центрального стадиона имени В. И. Ленина в Лужниках (на нашем снимке ось намечена пунктиром). Здесь же, в юго-западном районе города, постановлением правительства предусмотрено сооружение Пантеона — памятника вечной славы великих людей Советской страны.

Решением правительства в этом районе вновь увеличивается объем жилищного строительства. Юго-западная часть города станет одним из наиболее населенных и красивых районов советской столицы. Фото А. Лепина

На старом донецком заводе

Владимир ПОПОВ

домны была подвигом коллектива. Ведь ни выпуск чугуна, ни слив шлака замаскировать нельзя. От каждого выпуска, от каждого слива заревом вставало над заводом, и это заревом было тем более заметно, что вся донецкая степь погружалась во мрак.

Гитлеровцы не смогли потушить этот единственный световой оазис. Что же напоянило коллектив ворошиловцев такой силой, такой мощью? Здесь свято хранили и хранят старые революционные традиции. Еще живы рабочие, которые помнят грозные дни 1905 года, когда в цехах ковали оружие, сабли и пики, помнят, как в дни городского вооруженного восстания рабочие Алчевского завода захватили на станции поезд, погрузились и погнались его на помощь воставшим. Еще сохранился в литейном цехе электрический кран, на котором в юности работал Климент Ефремович Ворошилов, еще стоит у ворот завода домик, в котором скрывался товарищ Ворошилов от преследования полиции в 1912 году.

Старые революционные традиции, помноженные на советский патриотизм, — вот та сила, которая возрождала ворошиловцев на подвиги.

ЗИМОЙ 1943 года я снова в Ворошиловске. Завода нет. Сюда все-таки прорвались гитлеровцы, и мрачные следы их пребывания остались повсюду. Все, что могло гореть, даже здание прокопанных ворот, сожжено, все остальное возвращено. Гитлеровцы валили трубы так, чтобы при своем падении они произвели наибольшие разрушения. Хаос из битого кирпича, обломков машин и железных конструкций навсегда запечатлелась память.

Но в мертвые здания уже вливался новая жизнь. Рабочие извлекали «козлы» — многотонные глыбы застывшего в печах металла, терпеливо разбирали хаотические нагромождения, крыли крыши. Уже действовали первые невиданные до сих пор на территории завода агрегаты — мельница, крупорушка и маслобойка для нужд населения. По-прежнему призыво гул басовитый заводской гулок.

Сейчас, когда вспоминаются эти первые дни пробуждения, лил, вернее, воскресения Донбасса из пепла и руин, приходят на память строки донецкого поэта Михаила Фролова:

И сердце мое, и развалины зданий
Опять воскресает живая вода.
Откуда она? Из какого колодца?
Какая над ней сияет звезда?
...Я знаю теперь, что живая вода
Любовью к Отчизне зовется.

В 1946 году в связи с пятидесятилетним юбилеем завод был награжден за выполнение правительственных заданий орденом Трудового Красного Знамени. Ордена и медали были награждены 87 рабочих и инженеров.

ПОСЛЕ войны мне пришлось много походить по заводам, в основном по новым — хотелось познакомиться с нашими передовыми социалистическими предприятиями. Я много работал на старых заводах.

знал, что как бы их ни реконструировали, всегда рядом с появившимися первоклассными цехами сохранялись старые, допотопные. Все это выглядит несколько пестро. А вот Магнитка, Кузнецк, Ново-Тагильский завод, Запорожье лишены этой пестроты. Разумная планировка, однородность цехов, просторы заводских площадей влекут к себе, как произведения искусства. И естественно, что в Алчевске меня не тянуло. Даже сообщение о пуске в Алчевске мощной мартеновской печи не пробудило особого интереса к заводу. Я представлял себе «латаный» завод, пунтунки железнодорожных путей, которая обычно возникает, когда в старом пристраивают новое. И если бы не друзья, врал ли в моей командировке одним из пунктов значился Алчевск — ныне Ворошиловск. Но друзья сказали: «Хотешь видеть самую передовую технику, сажай в Ворошиловск».

...И вот я снова у проходной завода, старинной каменной сооружения с затейливой башенкой.

Сразу за проходной — огромное здание мартеновского цеха со стометровыми трубами. Старого цеха и в помине — старый снесен, на его месте новый, и какой! Он шире, выше и оснащён более мощным оборудованием, чем провалы цеха Кузнецка и Магнитки. Под одной крышей «малые» и большие печи. Но «малые» — тоже не малые — 250 тонн вмещают они в себя, а большие — самые крупные в Европе — 500-тонные. Двадцать пять вагонов металла за один выпуск! Она большая печь дает стали значительно больше, чем давал весь старый цех с семью печами.

Быстро растет цех. В 1952 году была пущена первая печь, а сейчас печей уже восемь, и строятся еще. Быстро растут и люди в этом цехе. Знакомлюсь со ставлером Иваном Зелениным. Небольшого роста, коренастый паренек, скромный, тихий. Ему двадцать один год. Два года назад он окончил ремесленное училище и уже полтора года работает ставлером.

Обер-мастер Андрей Сиваченко. Он всего год успел поработать в мартеновском цехе Магнитогорского комбината после окончания ремесленного училища, как был призван в армию, где прослужил десять лет. Вернувшись в своей специальности, Сиваченко быстро наверстал упущенное. «Досадно было немного, — рассказывает он. — Кончал училище вместе с Володей Захаровым, ныне известным ставлером, у него уже стаж большой, а у меня... Только в 1953 году я снова стал в цехам».

Сиваченко в самые короткие сроки проделал путь, на который раньше у людей уходила вся жизнь. За четыре года он из подручного ставлера вырос до обер-мастера.

На печах в этом цехе работают почти одна молодежь. Правда, на пятисоттонных печах трудятся ставлеры со стажем, но на «малых» печах — в основном молодежь. Мастера в цехе, как правило, инженеры и техники.

Мне хотелось в первый же день пройти по всем цехам, чтобы составить впечатление о заводе в целом. Но уйти от большой печи, когда плавка на выпуске, не смог. Мне до сих пор не приходилось видеть такой массы металла, выплавленной за один прием.

И мастер меня заинтересовал. Молодой приветливый паренек, с немного широко поставленными, упрямыми глазами, мастер блока пятисоттонных печей. Я поспрашивал на него: волнуется или нет? Знаю, что не может не волноваться, тем более, что совсем недавно он допустил грубую ошибку. Даже меня, постороннего наблюдателя, возмущает судьба плавки. Но внешне мастер вполне уверен в себе.

Ковшей, которые могли бы вместить пятисот тонн, нет: плавку из большой печи выпускают по развозному желобу сразу в два ковша. Я подождал, когда ковши наполнились сталью, и пошел к мастеру; теперь можно перекинуться с ним словом. Это инженер Шаповалов. Он окончил Днепропетровский институт, пошел на Макеевский завод подручным ставлера. Через год работал уже ставлером, потом стал мастером. Правильный путь у этого инженера. Он хорошо понимает: плох тот солдат, который не думает стать генералом, но плох и тот генерал, который не был солдатом.

Не все окончившие институты идут этим правильным путем. Один из выпускников этого года, инженер М., придя на завод, сразу потребовал для себя руководящую работу. С ним спорили, его убеждали и в конце концов убедили начать работу с подручного ставлера. Но свое дело он выполняет из рук во плохо, словно отбивает трудовую повинность и только и жлет выживания или передвижения.

Начальник цеха Дрякин пробовал как-то вызвать его на откровенный разговор: «Скажите, кто вам советует учиться на металлургическом факультете? Мама или папа?» «Нет, выбирал специальность я сам, — ответил М. — Но я был убежден, что, окончив институт, сразу получу руководящую должность».

В конце смены мое внимание привлекает жаркий спор, вспыхнувший у одной из печей. Молодой ставлер, вышедший на работу, не принимает печь у пожилого ставлера, потому что рабочая площадка не убрана. Ничего нового внешне в этом нет. Это право каждого ставлера. Но пожилого ставлера горячище более, чем следовало бы. Еще бы! Молодой — его сын и не принимает смену у отца. Прогудел гулок, но непокорный сын так и не принял печь, пока не был наведен порядок. Подхожу к младшему — Анатолию Толсторову, спрашиваю:

(Окончание на 2-й стр.)

Писатели — кандидаты в депутаты местных Советов

Наши корреспонденты сообщают о новой группе писателей, которые будут баллотироваться в депутаты местных Советов. Кандидатами в депутаты городских Советов выдвинуты: А. Прокофьев и С. Воронин (Ленинград), И. Гурский (Минск), А. Высоцкий (Новосибирск), А. Бродель (Рига), Зулфия, В. Костыря, В. Захаров, С. Азмиз, Х. Гулям, Мирмухсин и А. Иванов (Ташкент), Н. Алексеев (Псков), Акрам Вали (Уфа).

ШЕСТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВОГО СОВЕТА СССР

ВОЛЯ НАРОДА

Слушая доклады и выступления депутатов социалистического парламента, я ловил себя на том, что думаю о... Маяковском. Поэт воспевал громкие наши планы, размах шагов саженей.

Поэт И. ТАРБА,
депутат Верховного Совета СССР

Одна только поправка к стихам Маяковского внес сегодняшний день. То «коммунистическое далекое», о котором говорил поэт, теперь стремительно приблизилось к нам, приобрело осязаемые формы и черты, позволяющие говорить о нем, как о «близком завтра».

Это чувствуется во всей атмосфере сессии, по-особому деловой, горячей. Вдумываясь в цифры законов о Государственном плане и бюджете на 1957 год, в факты, о которых рассказывали депутаты, восстанавливаешь в памяти грандиозные перемены в моей маленькой солнечной Абхазии и ясно видишь, как быстро нарастают темпы нашего движения к коммунизму, как воплощаются в жизнь мечты лучших умов человечества.

Много новых предложений, добавлений вносит депутаты. Отрадная мысль, волю избирателей, депутаты ставят вопросы, исходя из общесоюзных интересов, из исторических задач, поставленных XX съездом КПСС.

Только местными интересами было продиктовано предложение нашего депутата А. Лабаха о строительстве санаториев и домов отдыха в Абхазии, об освоении там 15—20 тысяч гектаров прекрасных земель, ныне заросших кустарником, под высокоценные технические и субтропические культуры, о расширении чайных и цитрусовых плантаций.

И эти предложения, как и проекты строительства гигантских электростанций, заводов и фабрик, жилых домов и клубов, школ и больниц, железных и шоссейных дорог, создания новых морей и каналов, так же как и использование могучей энергии атома, увеличение ассигнований на социальное страхование, пенсия, зарплату и культурные мероприятия, преследуют одну цель — благо советского человека, где бы он ни жил, где бы ни трудился.

Социалистический строй открывает неограниченные возможности для народной инициативы, для творческой масс. Депутаты приводили яркие факты о том, как благотворно сказывается на всей жизни страны расширение прав местных советских и хозяйственных органов. Инициатива мест уже дает богатые плоды. Она вскрывает и ставит на службу народа огромные резервы, скрытые в хозяйстве. По-новому решаются жилищная проблема, вопросы планирования, финансирования, изменяются методы строительства.

Целям последовательной демократизации советского общественного строя, укрепления законности и правосудия служат принятый Закон об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятии гражданского, уголовного и процессуального кодексов. Мне кажется очень своевременным и важным предложение в пределах по этому вопросу депутатов Э. Пусева и А. Румянцев о уязвлении равенства всех детей, безотносительно от взаимоотношений родителей. О том, что этот вопрос назрел, говорят неоднократные выступления читателей и писателей на страницах «Литературной газеты».

Под бесспорными дворцовыми сводами ведется большая деловая работа. Открывая заседание, П. Антокольский гово-

говор. Он ведется и в кулуарах сессии. В деловых спорах, оживленных беседах — та же заинтересованность избранных ков народа в государственных делах, желание поделиться своими мыслями, опытом, сомнениями, пошерпнуть побольше нового, ценного. Не случайно в центре общего внимания — новаторы народного хозяйства, инициаторы новых мероприятий.

Запрос группы депутатов Советского правительства по вопросу о сохранении и развитии культурных связей между СССР и всеми государствами мира не случаен. Он вытекает из широкого обмена мнениями депутатов.

Когда депутаты, единогласно приняв Закон о Государственном плане и бюджете на 1957 год, расхлынулись с заседания Совета Союза и Совета Национальностей, возникли новые разговоры. Хозяйственный, рабочие, доярки, ученые, председатели колхозов, партийные и советские работники обсуждали, как лучше превратить в жизнь решения сессии. Люди труда и мысли уже примерили свои возможности, свои расчеты. Творческая энергия нашего народа его самоотверженный труд направляются на новый подъем экономики, культуры, науки.

Хочется верить, что и наша литература пойдет по этому пути к новым высотам, что она создаст книги, в которых будут запечатлены особенности нашего великого народа во всей его правдивости, величии, мощи, красоте.

Фрагмент памятника А. С. Пушкину работы ленинградского скульптора М. Анисимкина. Памятник предполагается установить на площади Искусств в Ленинграде.

Пушкинские дни в СССР

Он о бессмертном пушкинском гении. Он прочитал письмо отцу, страдавшего от болезни председателя Пушкинской комиссии Союза писателей СССР И. Новикова. С сообщением о лирике Пушкина второй половины 20-х годов XIX века выступил Д. Благой. Было заслушано сообщение Г. Шторма о неизвестном восьмистишии «Под небом Африки рожденный», перепечатанном рукой Елизаветы Ушаковой и принудительно, по утверждению Г. Шторма, великому поэту.

Свои стихи прочитали на вечере Аргю и А. Карцев.

«МИНУТА МОЛЧАНИЯ». В Ленинграде памятное собрание состоялось в последней квартире поэта в доме № 12 на набережной Мойки (там идут реставрационные работы), а в Институте русской литературы (Пушкинском доме). В большом конференц-зале собралось многочисленное почтатели пушкинского гения. Слово «Бессмертие Пушкина» произнес председатель Пушкинской комиссии института Б. Городецкий. Ровно в 14 часов 45 минут — время смерти великого поэта — наступает торжественная минута молчания. Затем хор Академической капеллы имени М. И. Глинка исполнил «Грезы» А. Бородина.

С речами на собрании выступили поэт М. Дудин, директор Академического театра драмы имени А. С. Пушкина К. Скоробогатов, учительница средней школы имени А. С. Пушкина И. Соколова. В зале звучали вдохновенные строки пушкинских стихов, пропетыми артистом Л. Колесовым.

ПИСЬМО П. РОБСОНА. В эти дни много посетителей во Всесоюзном музее А. С. Пушкина. Здесь — многочисленные издания произведений Пушкина, переведенных на десятки языков, научные исследования, сборники и статьи, посвященные его творчеству, иллюстрации и фотоснимки, автографы поэтов, общественных деятелей, артистов художников.

Вот несколько страничек, исписанных крупными иероглифами. Это присланные из Пекина стихи современного китайского поэта Кэ Чжун-пина.

На другой стене — автограф Поля Робсона. Американский певец говорит о своем восхищении пушкинской поэзией. «Пушкин, гениальный поэт русского народа, — пишет он, — любим не только всеми народами Советского Союза, но и миллионами

людей за границей. Трону к этому гиганту, как предсказал сам поэт, проложили и прокладывают миллионы старых и новых читателей...»

Недавно музей получил из-за границы много новых пушкинских изданий. Среди них — «Поэмы» и «Барышня-крестьянка» на английском языке, «Дубровский» и «Медный всадник», вышедшие в Голландии, югославское издание «Полтавы», «Капитанская дочка» и «Цыгане», изданные в Индии на языке хинди, французское издание избранных пушкинских произведений, томик его стихотворений, вышедший в Токио на японском языке, немецкие, датские, норвежские издания.

РАБОТЫ ПУШКИНИСТОВ ЮГА. В Одесском доме ученых закончилась продолжавшаяся три дня IV Общественная конференция пушкинистов. В ней приняли участие ученые филологи Москвы, Дрогобыча, Ворошиловграда, Черновин. Участники конференции заслушали доклады и сообщения о жизни и творчестве поэта. Так, З. Бабайцева на основе писем Пушкина одесского периода отметила широкий круг его литературных интересов, в частности, его отношение к развернувшейся борьбе между клас-

сизмом и романтизмом, интерес к вопросам журналистики. Было заслушано несколько других докладов.

Участники конференции подвели итоги коллективной работы по созданию словаря одесских и кипирических знаменитостей Пушкина, подготовленного к изданию.

НОВАЯ МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА. В Тегерете, на одном из домов по улице Третьего Интернационала установлена мемориальная доска. Надпись на ней гласит: «Здесь в 1820 году останавливался Александр Сергеевич Пушкин проездом на Кавказ».

«Тюх оград узор чужбинный...» Зарисовка художника Г. Макарова

«Вы инженер, мистер Фаткулиев?»

Серые спокойные воды словно остановились у наших ног. Море сегодня неподвижно. Индирджит Сингх смотрит вперед: в море астава прямо из волн совсем земная вышка. Сингх поворачивается к хозяйку здешних мест Шарифу Фаткулиеву и говорит, нетерпеливо ожидая, пока переведут его слова: — Мистер, вы там тоже бурите? Старый нефтяник отвечает: — Да, и там мы бурим. В районе этого острова Песчаный, так же как и здесь, в Гусанах, расположены самые глубокие в нашей стране месторождения нефти. Мы с вами находимся сейчас на самом молодом промысле Баку. Ведь соседние промыслы существуют более семидесяти лет, а этому нет и семи. Видите — тут только одна вышка. Первая. А там их много...

Индийские инженеры беседуют с кандидатом в депутаты Бакинского городского Совета буровым мастером Шарифом Фаткулиевым (второй слева). Фото В. Калинин

И он указывает рукой в ту сторону, откуда мы приехали, где на горизонте, как сотни маленьких эффе-левых Башен, маячат вышки старых промыслов. Ветер, тот самый знаменитый норд, который неизбежно присутствует во всех окрестностях бакинских нефтепромыслов, шедший до сих пор гостей с юга, на-чинает неожиданно, как это бывает на Каспии, раскачивая все вокруг — шевелится на голове Сингха турбан, развеваются полы широкого пальто Сисир Кумара Даса, раскачиваются видимые издали, особенно яркие в зимнем воздухе предвыборные плакаты.

Впрочем, индийские инженеры-нефтяники так увлечены необычной беседой, что не замечают изменения погоды, которая вообще в нынешнем году здесь особенно неустойчива и сурова. Инженеры уже несколько месяцев находятся в Баку, но впервые выехали из лабораторий к нефтяным вышкам.

Шариф едва успевает отвечать на вопросы. Едва Кумара Арора интересуется, например, какова глубина этой скважины. Он удивленно кивает, узнав, что глубина ее свыше четырех тысяч метров.

— Сколько нефть дает скважина за сутки? — спрашивает Ричард Муртон, самый молодой из гостей.

— Сколько колен труб опущено в ствол? — перебивает Сингх.

Шариф Фаткулиев отвечает на эти и на многие другие, понятные только специалистам технические вопросы: он знает, как залегают пласты, какова их структура, как можно предотвратить так называемые «уходы растворов» при глубоком бурении.

И кто-то не удерживается от невольной реплики: — Вы инженер, мистер Фаткулиев?

Нет, он не инженер. Старый практик, буровой мастер, он очень скромный, и только случайно гости узнают, что они познакомились сегодня с человеком, который достиг самой быстрой или, как говорят нефтяники, самой высокой проходимости в стране. Буровая бригада Шарифа Фаткулиева в прошлом году пробурела пятнадцатую скважину общей глубиной почти в двадцать семь тысяч метров, и бригадир, не имеющий диплома инженера, читает сейчас ученикам, студентам, преподавателям вузов и техникумов интереснейшие лекции.

Еще больше удивляются гости, узнав, что этот простой бурящийся выдвигается кандидатом в депутаты бакинского городского Совета.

— А какие вопросы будет разрешать на государственной работе мистер Фаткулиев? — осторожно спрашивает Сисир Кумар Дас. И медленно, обдумывая каждое слово, отвечает на свой вопрос. Впрочем, это понятно. Он будет, видимо, защищать интересы тех, кто работает рядом с ним. И тут неожиданно возникает оживленный обмен мнениями. Индийские инженеры пытаются глубже разобраться в том, что входит в обязанности депутата, представителя советской власти, слуги народа — Шарифа Фаткулиева. В конце концов все сходится на том, что старый нефтяник достоин всяческого доверия, — это видно даже тем, кто совсем мало знаком с ним. И, как бы подводя итог, Ричард Муртон говорит с легким поклонком: — Депутат — мистер Шариф Фаткулиев такой человек, перед которым мы с уважением снимаем шляпы...

Ирина ВОЛК, Юрий ДАШЕВСКИЙ, специальные корреспонденты «Литературной газеты»

На старом донецком заводе

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Доругиваться будете дома? — Не будем. Батя у меня человек хороший, он сам понимает, когда неправ, но понимает не сразу. И у нас с ним безмолвный договор — семейные и цеховые дела не путать.

Анатоль — это уже третье поколение в семье, связавшее свою судьбу с Алчевским заводом. Он окончил Донецкий индустриальный институт, мог выбрать любой завод, но выбрал свой, на котором работал еще дед. Учился в школе, он мечтал о филологическом факультете, любил литературу, поэзию, но, пораздумав, решил пойти по дороге отца.

Во время нашего разговора я с тревогой поглядывал на печь: не отвлекся ли сталева, не пропустит ли он чего? Но автоматическое управление печи действует безотказно. Кончатся для сталевова то время, когда они, как часовые, расхаживали у савалочных окон, без перерыва следя за сводом, за факелом пламени, регулировали количество газа и воздуха, производили кантовку. Все это за них и лучше их делает сейчас автоматика.

— Красный цех? — спрашивает меня Толстобровов.

— Пока лучший из всех, что я видел, — совершенно искренне отвечаю ему, — а видел я их немало.

— Красный, — как бы про себя говорит мой собеседник, — особенно ночью, когда рудит плавку и спод пламени, вырывающийся из печи, ярко освещает весь цех. Или в ясный день, когда лучи солнца проникают сквозь здание. Вот где романтика!

И невольно улыбаюсь. — Чему? — настаивается Анатоль.

— Не вашим словам, — успокаиваю я. — Просто подумал о том, что напиши я вот так, и какой-нибудь незадачливый редактор зачеркнет это и скажет, что рабочие не говорят таким языком, что автор выдумал разговор, погнался за красотой. Потом мы делимся своими замыслами. Я рассказываю о своих планах, сталева — о своих. Заметьте — о литературных планах, и как это ни странно, планы у нас сходятся. Только мне то же самое хочется выразить в стихах, а ему — в прозе.

Взвнувшись в гостиницу, я долго не могу заснуть. Перед глазами два цеха — старый и новый. Разное время — разные люди.

На другой день я прошел по всему заводу. Побывал на первоклассной третьей доменной печи, постоял у приборов, контролируемых ее ход, позволяющих мастеру «заглядывать» в самое сердце печи, недо-

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

Больше журналов хороших и разных — этой мыслью пронизаны письма всех товарищей, приславших свои отклики на статью «О делах журнальных» («Литературная газета», № 103, 1956 г.). Занятосердечность читателей в «делах журнальных» свидетельствует о том, что журналы прочно вошли в культуру жизни народа, стали необходимы широкому кругу советских людей. Отсюда и высокие требования, предъявляемые читателями нашим журналам.

«Лучшие русские журналы», — пишет инженер А. Петров, — всегда были проводниками передовых идей. На страницах этих журналов разгорались ожесточенные споры о социальных проблемах, о судьбах и путях искусства, о многих других вопросах».

«С дальнейшим развитием журнального дела, — как бы подхватывает его мысль О. Рисс, — несомненно, связан и новый расцвет нашей литературы. Чем больше творческого огня будет в редакциях журналов, тем интереснее будут сами журналы».

Читатель В. Анисимов, так же как и другие авторы писем, считает, что успеху журналов во многом может способствовать широкое развитие дискуссии, в которой принимали бы участие писатели, общественные деятели, читатели. Особенно необходимы дискуссии по малоразработанным проблемам эстетики.

Соглашаясь с авторами статьи «О делах журнальных» в том, что журналы должны иметь свое индивидуальное лицо, многие читатели продолжают и углубляют их мысли. Почти все высказавшиеся по этому вопросу, отдавая должное поискам «Невы» в оформлении и структуре журнала, считают, что своеобразия его меньше всего определяется наличием тех или иных отделов и рубрик. «Лицо» журнала, — пишет Г. Вартаков, — не определяется внешними формами, за что особенно ратуют авторы статьи. Свое лицо — это свое мнение, активное вторжение в жизнь разнообразными жанрами литературы, острыми и актуальными публицистическими произведениями, глубокое критическое осмысление явлений литературы и жизни. Боевой творческий дух должен пронизывать все страницы журнала».

Многие читатели отмечают, что количество издающихся в стране массовых журналов недостаточно. А. Коршун предлагает возродить журнал «30 дней». Я. Новиков считает, что наши журналы недостаточно внимания уделяют изобразительному искусству. Н. Куртеев предлагает давать в журналах больше вллек и цветных иллюстраций. Он отмечает, что журнал «Искусство» стоит непомерно дорого. Кандидат технических наук К. Кострин считает целесообразным издание самостоятельного журнала широкого профиля, посвященного вопросам искусства и рассчитанного на массового читателя.

Ряд читателей поддерживает мысль авторов статьи о необходимости издавать наряду с «Огоньком» и «Крокодилом» другие массовые журналы подобного типа. Здесь скажутся тяга читателей к малым жанрам: короткому рассказу, очерку, небольшой, но яркой корреспонденции, интересному репортажу и юмору, острой и гневной сатире. Новые издания послужат хорошему развитию литературы, оставаясь при этом из них, которые сейчас чувствуют себя монополистами.

Группа читателей в своих письмах касается вопросов организации редакционной работы. Журналистка Р. Орлова считает, что в редакции должна быть создана такая атмосфера, при которой редколлегия чувствовала бы ответственность не только за вещи опубликованные, но и за то полезное, что по вине редакции не увидело света. «Не опубликовать вовремя хорошее произведение, не поддержать молодого автора, не выступить первыми по важной новой жизненной проблеме, не рисковать — вот что должно

«О ДЕЛАХ ЖУРНАЛЬНЫХ»

считаться грубой ошибкой, вот за что редактору и редакция полагаются общественное осуждение», — пишет она.

«Наши журналы», — пишет журналист Н. Лебедев, — имеют весьма многочисленные редколлегии. Многие члены этих громадских коллективов не только не участвуют в коллективном осуждении русской, но иногда и вовсе не читают их. Невольная редколлегия, состоящая в основном из постоянных работников журнала, из тех именно людей, которые ежедневно делают его, сможет легче и быстрее создать самобытное и неповторимое литературно-художественное лицо журнала».

Поддерживая предложение авторов статьи, читатель В. Ягуляев считает, что редакция должна отвечать только за идейную направленность и за общий художественный уровень публикуемых вещей. За все остальное несет ответственность сам автор. При таком подходе к рукописям редакция не будет «править» писателя, нивелировать его стиль.

Читатели С. Гунько, К. Кострин и другие возражают против давно сложившегося в редакциях порядка, когда даже небольшие повести печатаются с продолжением в нескольких номерах.

Многие выражают желание, чтобы в журналах громче звучал голос читателей. Тесная связь с читателями поможет расширить тематику публицистических выступлений журналов, поставит наиболее живые вопросы, диктуемые жизнью. Предлагается регулярно вести в журналах «Трибуна читателя».

Теперь положение в журналах, когда письма читателей публикуются от случая к случаю, не удовлетворяет подписчиков. В частности, читатель В. Холмогоров отмечает: «В первом номере «Искусства» (апрель 1956 г.) редакция журнала обратилась к читателям с просьбой писать в заметках и статьях о своем жизненном опыте и наблюдениях и таким образом принять участие в обсуждении актуальнейших вопросов и

проблем коммунистического воспитания народа, и особенно нашей советской молодежи. В первых шести-семи номерах журнала были использованы корреспонденции, статьи и письма широкого круга авторов, в том числе новаторов производства, председателей колхозов, партийных работников. Но в последующих номерах писем читателей, посвященных вопросам воспитания молодежи, к сожалению, стало меньше. Исчерпан раздел «Заметки читателей». На мой взгляд, это серьезное упущение редакции журнала».

В письмах читателей содержится ряд частных замечаний, также не лишены интереса. Так, например, Г. Лутков отмечает, что редакции центральных журналов слабо связаны с писателями областей, и предлагает печатать подборки по типу «Стихи тамбовских поэтов» или «Стихи поэтов Воронежя». Преподователь С. Аваняев предлагает, что пора серьезно заняться историей журналистики. Опыт прежних лет, пишет он, нельзя сбрасывать со счетов, он может оказать практическую пользу молодым работникам журналов.

Читатель Я. Новиков считает, что журналы могли бы давать интересные приложения. Он же отмечает, что массовые журналы, в частности «Огонек», имеющий большой тираж, все еще дорожат. К. Кострин хотел бы видеть в журналах критические статьи, написанные более популярным языком. А. Н. Куртеев отмечает, что «толстые» журналы недостаточно боевой публицистики на злободневные темы.

Письма читателей свидетельствуют о том, что в статье «О делах журнальных» подняты насущные вопросы журналистики. Читатели выражают надежду, что за разговорами об улучшении деятельности журналов последуют и практические решения, которые будут способствовать дальнейшему развитию нашей художественной периодики, помогут нашим журналам стать более интересными, разнообразными, яркими.

Заметки на полях «ЗАГРОБНЫЙ» ДНЕВНИК

Гослитиздат выпустил в 1955—1956 гг. три тома известного «Дневника» А. В. Никитенко, профессора и цензора. Вступительная статья и примечания принадлежат И. Айзенштейну. Последний в своей вступительной статье пишет: «Смерть Никитенко (2 июля 1877 г.) прошла почти незамеченной широкой литературной и научной общественностью». (Том I, стр. XV).

Как могла «пропасть» литературная и научная «общественность» заметить смерть Никитенко, когда он сам не заметил собственной смерти, продолжая вести свой «Дневник» и после 2 июля 1877 г.? Мы находим в третьем томе «Дневника», на стр. 408, две записи — от 19 и 20 июля 1877 года.

Невероятно, но получается, что А. В. Никитенко записывал свои мысли и после смерти. Приложенный список опечаток хранит по этому поводу молчание.

И. КИРИЛЛОВ, профессор

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

„Это надо прекратить!“

Под таким заголовком в «Литературной газете» 8 января 1957 года было опубликовано письмо народного поэта Абхазии Д. Гулиа, писателя И. Папаскири, Д. Брага, докторов биологических наук А. Васильева, А. Колаковского, члена комиссии по охране природы Грузии П. Рукадзе, кандидата наук Г. Дзизлария, Л. Хашба, А. Хонелия. В письме сообщалось о недопустимой вырубке лесов в районе озера Рица.

Как сообщила редакция заместитель министра сельского хозяйства СССР А. Бовина, в Ринском лесничестве ГАРского лесхоза Грузинской ССР вокруг озера Рица выделена запретная лесная зона общей площадью 3,5 тыс. гектаров. В этой зоне эксплуатационные рубки всех видов запрещены, разрешено только проведение

санитарных рубок и рубок, связанных с уходом за лесом. При отсутствии специальной техники трелевки и транспортировки срубленных деревьев в горных условиях Кавказа лесхоз Минлеспрома применял мощные тракторы и лебедки с наземной трелевкой. Это неизбежно приводило к разрушению насаждений. Министерство сельского хозяйства СССР запретило рубки леса в Ринском лесничестве вплоть до применения на лесозаготовках специальной горной техники — тросо-блочной системы трелевки, канатнополосных дорог, специальных лесоспусков.

В целях изучения положения в лесозаготовках в ГАРском лесхозе в Грузинской ССР командированы ответственные работники Министерства сельского хозяйства СССР.

Необходимое объяснение

Илья ЭРЕНБУРГ

Оглядывая номер московской го-стиницы, заставленный старомодной мебелью, с вазочками на этажерках, с бронзовым преспапье на письменном столе, итальянский писатель Карло Леви сказал, что он перенесся в Пьемонт своего детства. Когда я был в прошлом году на «Женевских встречах», а недавно в Венеции на собрании «Европейского общества культуры», мне тоже казалось, что я переносился в Москву моего детства. В Женеве и в Венеции высокообразованные люди говорили о значении культуры и о Дайсе, об экзистенциализме и о беспрепятственной жизни. Ни жители Женевы, ни жители Венеции не проявляли никакого интереса к этим темам. Крестьяне Южной Италии, которых так хорошо показал Карло Леви, не прочитали его книги. Десять лет назад в штатах Алабама и Миссисипи, разговаривая с местной интеллигентной, с врачами, адвокатами, инженерами, я убедился, что они не знали даже имен крупных писателей Америки, отобразивших жизнь Юга, — Стейнбека, Колдуэлла, Фолкнера. И хорошо помню Москву начала нашего века. В «Кружке свободной эстетики» говорили о поэзии Малларме, о мистическом анализе, об авторепозитии. Ламы зачитывались романами Ницше и Гегеля и восхитались отрывками с репродукциями Беклина или Шуга. Детство я провел на небольшом заводе в Хамовниках, где служил мой отец. В соседнем доме жил Лев Толстой. Рабочие-сезонники знали, что граф Толстой — знаменитый писатель, но вряд ли кто-нибудь из них читал его романы: большинство были неграмотными, а грамотные читали в «Московском листке» хронику происшествий. В России тогда работали Чехов и Павлов, Горький и Скрябин, Бунин и Мечников, Станиславский и Блок, и в России тогда насчитывались смеяться семь процентов неграмотных.

Что произошло после Октябрьской революции? Одни члены «Кружка свободной эстетики» уехали за границу, другие, ознакомившись с трудностями жизни, забыли про авторепозитию. За границей считали, что русская культура приказала долго жить.

В начале 1923 года В. И. Ленин писал: «В то время, как мы боимся от пролетарской культуры и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, показывающие, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо». По статистическим данным 1920 года, две трети населения еще были неграмотными.

Тридцать лет спустя в Советском Союзе было принято решение о переходе от обязательного начального образования к обязательному среднему образованию. Это показывает не только размеры пройденного пути, это означает подлинный переход к социалистической культуре.

Всобщее высшее образование, которое начало осуществляться на Западе сто лет назад, отражало чаяния XIX века. Оно появилось многим озабоченным людям, вышедшим из низших классов общества, стать учеными, писателями, художниками. Оно несколько стерло внешние различия между просвещенной верхушкой общества и миллионами неграмотных или полуграмотных. Одни его приветствовали, видя в нем залог прогресса, другие считали, что грамотный рабочий сможет быстрее и точнее работать у станка, нежели неграмотный. Лишь была чуть приторкнута, но в шельф тронуто было прошито.

Сумма знаний, получаемая в немецкой «Фольксшколе», в начальных школах Англии или Франции, существенно отличается от суммы знаний юноши, сдающего экзамен на аттестат зрелости. По самой природе капиталистического общества эти знания должны отпадать от высших не только внешне, но и по духовному развитию. Оксфордский студент и лондонский докер говорят на различных языках. Закончив начальную школу, итальянский рабочий может читать и считать, но он не знает ни шедеров мировой литературы, ни истории философии, ни законов физики. Он не успел приступить к чтению: подростком он оказался у станка.

Переход к обязательному среднему образованию является величайшей культурной революцией: он вытекает из нашей концепции культуры, как творчества всего народа.

Получив аттестат зрелости, студент-филолог не изучает больше физики, а математик — возвращается к древней истории. Их знания, помимо специальных, определяются тем, что им дала средняя школа. Юноша, который идет работать на завод, и его школьный товарищ, поступающий в университет, обладают теми же общими

знаниями. Нужно напомнить, что среднюю школу заканчивают в восемнадцать лет, к этому времени успевают сложиться и дисциплина мышления, и любовь к чтению, и умение критически думать. Книга у нас стала предметом первой необходимости. На читательских конференциях, которые устраивают районные библиотеки, выступают различные читатели: после студента — рабочий-механик и после женщины-врача — работница текстильной фабрики. Они могут друг с другом спорить — между ними нет той пропасти, которая отделила запоздалую интеллигентность от народа.

Мы все восхищаемся искусством древней Эллады. В Афинах Золотого века на одного свободного гражданина приходилось девять рабов. Рабы обеспечивали благосостояние, возможность досуга, расцвет культуры. Такое же положение было в Индии во времена Калидасы и храмов Эллы. Расия писал свои трагедии для небольшой кучки знати. В те времена девятьсот человек жила сумной, почти первобытной жизнью для того, чтобы сто других могли верить и сомневаться, отдыхать и бороться, мыслить и любить. Советское общество впервые осуществило приближение к культуре всего народа.

Каждому ясно, что в первое время расширение культуры идет за счет ее глубины. Человек, который впервые берет в руки книгу, не понимает многих психологических тонкостей, глубины мыслей, художественной прелести романов «Война и мир» или «Красное и черное». Чтение, как и восприятие живописи или музыки, требует ответного творчества читающего, слушающего, глядящего, а такое творчество связано с общим культурным развитием. Вкус формируется медленно. В двадцатых, да и в тридцатых годах, беседа с читателями, я часто слышал суждения наивные, чересчур прямолинейные. Еще во время первого съезда писателей некоторые авторы мне признавались, что их пугает примитивизм многих читателей.

С тех пор прошло свыше двадцати лет. Это был горя голы горя и надежда, труд и раздумий. Теперь не писателей страшит примитивность читателей, а читатели чаще всего горько смеются над примитивностью некоторых романов или пьес.

Я позволю себе сослаться на другую область — на архитектуру. У нас было построено немало домов в эклектистическом стиле; стараясь разукрасить здания, некоторые архитекторы не проявляли при этом ни вкуса, ни чувства меры, они не считались с духом эпохи. Почему это произо-

шло? В двадцатых годах в советской архитектуре преобладали конструктивисты. Их неудачи связаны со многими обстоятельствами. В те времена у нас было мало добротного строительного материала, а чем предмет более, тем лучше должен быть материал — на дешевых портсигарах и коробочках всегда множество украшений. Но, построенные конструктивистами в Новосибирске или Свердловске, быстро покрывались патинами, трещинами. Нужно также сказать, что многие архитекторы строили дома так, как пишут манифесты или декларации, — правильные принципы часто доводились до абсурда. Дома выглядели уныло, люди их звали «гробами». Художественные вкусы у потребителей в то время были слабо развиты, и на известный период восторжествовала эклектистическая, украшательская архитектура. Теперь мы видим взорovou реакцию народа. Дело не только в том, что правительство осудило некоторые здания за неэкономное использование площадей, дело и в том, что люди выросли, стали выскатьельнее, они хотят архитектуры более строгой, более связанной с современностью.

Мы должны помнить, что живем в обществе, духовно высоком. Наши книги читают все, но эти «все» душевно богаче, тоньше, строже многих читателей привилегированного круга Запада.

Конечно, существуют и у нас различные уровни общего и, в частности, эстетического развития. Однако я не думаю, что можно разделять литературу или искусство на зоны: для знатоков и для простых. Каждый писатель, каждый художник хочет быть понятым: стихи не кроссоворды и картины не ребусы. Это, конечно, не означает, что любое художественное произведение при его появлении должно быть понято и принято всеми. Я хорошо помню, как смеялись люди в Политехническом музее, когда Маяковский читал «Человека». Теперь у нас имеется даже площадь Маяковского. Но ясно, что эволюция поэтических тем, образов, форм не может остановиться на Маяковском. Симфония Шостаковича труднее для восприятия, нежели песни из фильмов, но это не означает, что трудная музыка лежит вне мира общенародной культуры. Нужно признаться, что некоторые наши писатели и художники шли по линии наименьшего сопротивления, как бы стремились воспитать душой читателя. Но кроме посредственных романов, читатели получали и Толстого, и Горького, и Шолохова, кроме парадных полотен на выставках, они видели все богатство Эрмитажа и других наших музеев.

Рост нашего общества начинает обгонять рост нашей литературы. Я говорю об

этом с глубокой уверенностью. Мне часто приходится бывать на читательских конференциях, я получаю много писем от читателей. Рабочие, студенты, инженеры, домохозяйки говорят о книге интереснее, глубже, чем многие критики. Все они требуют литературы более значительной, более сложной, более глубокой.

Дело не в отдельных произведениях, не в статистике талантов, не в том, родился ли новый Толстой или не родился. Дело в общем характере литературы. В те времена, когда жал Чехов, люди читали не только Чехова, но и Потапенко, Боборыкина, Баранцевича, Ситылаева и многих других средних авторов. Конечно, лучшая часть читателей понимала, что нельзя сравнивать Потапенку с Чеховым или Ситылаева с молодым Горьким; но в целом литература соответствовала запросам общества. Писатели, даже весьма посредственные, осмелились те вопросы, которые интересовали читателей «Русского богатства» или «Русской мысли». Теперь советский читатель часто, неудовлетворенный, откладывает прочитанную книгу: она не помогла ему лучше познать себя и окружающую, не выразила его чувства, не ответила на те вопросы, которые его волнуют.

Чем рождены горячие споры вокруг нашего драматического театра? Повысшейся требовательностью зрителя. Некоторые важные пьесы, где с самого начала ясна развязка, где нет ни глубоких характеров, ни возвышенной идеи, ни мастера, теперь не могут удовлетворить зрительный зал. Наши режиссеры и наши актеры не могут довольствоваться сделанным. В любом искусстве в любую эпоху для любого художника нет солнцезащитных очков: его или убьют или приобьют. Нельзя жить за счет замечательнейших успехов прошлого. Все иностранцы, побывавшие в нашей стране, отмечают, что театр в советской жизни занимает крупное место. Любовь зрителей ко многому объясняет.

Не менее жаркие споры идут теперь и среди художников. Нельзя толковать эти споры, как пробовали делать некоторые газеты, пренебрежительно уверяя, будто страстность дискуссий вызывается в одном случае личными нападениями на того или иного художника, в другом — желанием наших живописцев порадовать зарубежное искусство, в третьем — недостаточным пониманием молодежью нашей марксистской философии. Нет, споры художников рождены духовным ростом людей, которые посещают выставки, чувствуют ответственности, неудовлетворенности, а я осмелюсь сказать, что неудовлетворенность мастера самим собой и сво-

ими товарищами — это те дрожжи, без которых искусство никогда не двигалось вперед.

Наши неудачи в литературе или в искусстве нас не роняют, а приподнимают: они объясняются нашей самой большой и неоспоримой удачей — духовным ростом советского народа. Со всей откровенностью мы теперь должны сказать, что если наша литература, наш театр, наша живопись не рванутся вперед, не забудут высоты, то мы можем оказаться позади тех, для кого мы работаем, ниже их мыслей и чувств.

5. Академик Соболев три года назад писал в «Правде»: «Смертельным врагом всякого прогресса в науке является догматизм, подмена подлинного научного исследования раз навсегда установленными положениями — догмами. В наших научных кругах он пока еще далеко не изжит». Эти слова не устарели, и они относятся не только к научным кругам, о которых говорил академик Соболев, но и к нашим литературным или художественным кругам. Догматизм противопоставлен и противопоставлен вашему социалистическому мировоззрению.

Когда наши западные противники пишут о неудачном советском романе, они торжествующе заявляют: «Вот к чему приводит социалистический реализм». Когда такие рассуждения исходят от людей, враждебных социализму, то они естественны. Но мне трудно понять, почему некоторые люди, отгадывающие социалистическое мировоззрение, нападают на социалистический реализм. Польский критик Теплиц видит объяснение неудач советской литературы в том, что она пошла по пути социалистического реализма. Мне кажется, что, рассуждая таким образом, он ставит себя на путь схоластики и, борясь против догматизма, превращается в догматика.

Теплиц, как и некоторые западные литераторы, уверяет, что советская литература до первого съезда советских писателей, когда родился определение социалистического реализма, была сильнее, богаче. И уже говорил, что и после съезда у нас появилось немало прекрасных книг. Мне остается добавить, что и до съезда у нас тоже были писатели большие и малые, смелые и конъюнктурщики, новаторы и эпигоны. Разом с Маяковским на тех же литературных вечерах выступали весьма слабые поэты, пытавшиеся выделиться талантом несдержанностью в выражениях. Есенин был обречен группой пошляков. В «Красной ниве» можно было найти сотни серых и назуманных рассказов.

Меня изумляет, с какой легкостью люди судят о больших культурных явлениях по

ПУТЬ К ЗРЕЛОСТИ

В сборнике Александра Межирова «Возвращение» собраны стихотворения настолько разные, что их союз на страницах одной книги представляется почти неоправданным. Друг другу они не откликаются; первое впечатление от сборника — его поэтический разнобой. Но как бы заранее отводя возможные упреки, Межиров раскрывает внутреннюю закономерность, которой подчиняется его книга. Стихотворения расположены в определенной последовательности: ближе к теме, созвучные по стилю поставлены рядом. Их разнообразие в результате уже не кажется случайным, в нем обнаруживается скрытая логика. «Возвращение» — книга не итогов, но исканий. Какая-то часть пути — жанрового, творческого — пройдена поэтом. Его прежние сборники отличались самостоятельной целостностью. Сейчас, на пороге пограничной зрелости, он пробует писать по-разному и о разных — порой с привычным воодушевлением, порой недоверчиво и неудачно, а порой с новой уверенностью, уверенностью мастера.

Связи с прошлым, конечно, не порвали. Многие стихотворения из сборника «Возвращение» продолжают тему, с которой поэт пришел в литературу. Первая книга Межирова «Дорога далека» создана поэтическим летоисчислением войны. Походы и сражения запечатлены в ней с точки зрения их непосредственного участника. Межиров писал о том, что пережил. Отсюда точность его описаний и острота чувств. Поэт рассказывал о неизмеримой боли и негиблом мужестве. Его стихи были исповедью героического поколения; он чувствовал себя «сном века». В торжественных, откровенных, напряженных строках порой слышался интонация торжественная. Трагические обстоятельства, в которых жил и боролся герой Межирова, определили образ его стихов — остро эмоциональные и в то же время масштабные, порой причудливые и неизменно своеобразные. Герой «шел по свистящему февралю», овеянный «крученым, верченым, гнутым» ветром. Невский проспект во время войны был «красив невообразимо — светло и многострадально...». Солдаты «в белых одеждах, взперты верили в крутые повороты, верили в обратные пути». Читатели полюбили Межирова, как поэта открытого и богатых переживаний, рожденных активным восприятием жизни и страстным к ней отношением. В сборнике «Возвращение» углубляются те же черты творчества. Время не сделало их неузнаваемыми. Но оно открыло в поэзии Межирова новые грани и особенности.

Воспоминания об армии для Межирова сейчас окрашены тем светлым и грустным чувством, с каким человек оглядывается на свою юность. Это естественно, и не этим поражает его последние стихи, посвященные войне. Неожиданны в них эпическое спокойствие и образная обобщенность. Маленькая поэма «Линия жизни» рассказывает о ледовой Ладжской трассе словами взволнованного историка. «Воспоминание о ледоте» проникновенной поэтической метафорой рисует тяжелый и славный путь, пройденный солдатом от Сивяньских болот под Ленинградом до Бранденбургских ворот в Берлине. Стихотворение написано в манере неторопливого сказа. Сдержанные признания поэта звучат тревожно и волнующе:

И белый флаг вывешивают
вражеские гарнизоны.
Складывают оружие,
в сторону отхода.
И на мое плечо,
на погон, полевой, зеленый,
Падает первая капля,
майские капли дождя.

А. Межиров. «Возвращение». Издательство «Советский писатель».

Но, засыпая в полночь,
я вдруг вспоминаю что-то.
Смежились тяжелые веки,
вижу, как наяву:
Я сплю,
положив под голову
Сивяньские болота,
А ноги мои упираются
в Ладого и в Неву.

Здесь удивительна законченность и законченность, которые раньше Межирову не были свойственны. Сейчас эти качества отмечены все лучшее в его книге. Даже в стихотворении «Сон», в описании выжого сна, фантастического и «милолетнего виденья», чувствуется то новое, что пришло в поэзию Межирова, — способность и любовь к эпическому повествованию.

Новое? Да, конечно. Прежние описания Межирова — очень конкретные и яркие — всегда оставались субъективными. Стихи передавали то, что попадало в поле зрения их автора. Эпизоды напылялись друг на друга, связанные прихотливым монтажом. Так поэтическая речь Межирова получала драпированный оттенок непосредственности. Но сейчас рассказ поэта отмечен еще и объективной достоверностью. Он его обогащен. Уменьше четко и законченно передавать действительность — пейзаж, характеры людей, их быт и борьбу — отлучило всех больших мастеров, в том числе самых, казалось бы, субъективных романтических поэтов. Сейчас это умение приходит к Межирову.

Оно сказывается в стихах, продиктованных воспоминаниями, но и не только в них. «Двадцатипятилетний бой» — свободный вариант новеллы Лондона «Куок маса» (Межиров мог бы уточнить это в примечании). «На ринге молодость и опыт в открытый спор вступают меж собой». Встреча боксеров описана подробно и спойкой, внимательно и выразительно. Но мастерство Межирова как эпического поэта еще только формируется.

Выше «эпическое» достижение Межирова — отрывок из поэмы «Чкалов». Образы и язык поэмы созданы богатой поэтической фантазией и острым художественным видением. Простая повесть, конечно, способна полнее утвердить патристическую идею, чем крикливая декларация. Чкалов рассказывает поэту историю своей гибели. Условная ситуация поэмы открывает глубокую правду характера — возвышенного, сильного и шедлого. «Когда моторы разом замолчали», Чкалов хотел посадить самолет на крыши домов, чтобы ослабить удар и спасти свою жизнь. Но тут же он представил себе мальчишку, спящего под этой крышей, улыбающуюся мать и — представив слово герою:

Я повернул штурвал своей судьбы,
И в тот же миг припорощенное поле
под плоскостями встало на дыбы.
Мальчишка спал, губами шевеля,
И грудью лег на полукруг штурвала,
И мне навстречу хлынула земля.

Она в кабину стремительно и плавно
Запалака в Путиле Ярославна,
И Ольга ей в Москве отозвалась.

Такие стихотворения — условно их можно назвать сюжетными, эпическими — лучше у Межирова. В них его слог пульсирует лирическим волнением и наполняется лирической силой. Стихи другого рода впечатляют меньше. «Есть на волжских высотах знаменитый завод, там в железных пролетах людных митинг идет» — безлая, сухая информация. Скаливая нарочито торжественные строки или создавая лирический репортаж, поэт становится неубедительным. (Это, кстати,

Новые стихи

М. ДЖАНГАЗИЕВ

Подарок из Китая

Друг привез подарок из Китая —
Из слововой кости белый шар.
И ко мне под вечер выйдя чаю
Собрались соседи, млад и стар.

С удивлением любовались гости
Круглотой его и белизной,
И рисунком по слововой кости,
Скрытым оболочкою резной.

И сплелись в союз неразделимый
Под его резцом, в руках его
Красота Киргизии любимой
И резбы китайской мастерство.

И мечты, над миром пролетая,
Встретились в помощь наших рук.
...Дорогой подарок из Китая
Этой осенью привез мне друг.

Перевела с киргизского
Светлана СОМОВА

Илья ШЕМЯКОВ

И солнце... и так тепло:
Снега как рукой смело;
И ветер такой хороший,
Что злбони бьют в ладоши;

И луг освежило травами.
...Февраль,
А с апрельскими нравами.

было заметно уже во второй его книге «Новые встречи». Пышная фраза притягивает внимание. О Родине поэт пишет: «тебе к лицу зимой — зима, весной — весна и летом — лето». Это очевидно и не является поэтическим открытием Межирова. Поэзия Межирова поражает самостоятельной силой только в том случае, если раскрывает сюжет — прочувствованный и творчески пережитый.

«Чистая» лирика, любовная, сердечная? Она у Межирова не очень примечательна. Некоторые стихи производят впечатление надуваемых. Другие, может быть, вполне искренни, но странно прозвучали не по форме, а по существу. Герой растал с женщиной, забыл даже имя ее и отчество, «куда глаза глядят» бежал от придуманного его убогого уота. Этой истории — довольно шаблонной — Межиров придает чуть ли не философский смысл.

«Видно, бытом ты была, жизнью не была ты», — заявляет герой своей подруге. Если в жизни что-то сложилось неудачно и непонятно, зачем искать высокие оправдания в стихах? Об этом нужно рассказать вдумчиво или, может быть, не рассказывать совсем.

Некоторые стихотворения, о которых шла речь, появились в печати уже несколько лет назад, но поскольку поэт включил их в сборник, очевидно, они не целиком принадлежат прошлому, по ним можно судить и о настоящем. Будущее же, конечно, трудно предугадывать. «Возвращение» — неровная книга. В ней нет четких контуров единой поэтической темы. Межирову предстоит обрести ее вновь — такую же захватывающую, какой была для него тема войны. Его поэзия не сможет жить без сильных «впечатлений бытия». Наиболее верный для Межирова путь — скорей всего путь сюжетной поэзии, овеянной возвышенным лирическим дышанием. В этом убеждали еще первые его стихи: их пафос был рожден драматизмом событий. Межиров — поэт, который жизнь ощущает прежде всего как действие, как борьбу.

М. АЛЕКСЕЕВ

А. ЛАСУРИА

Говорят, что любовь слепа,
что безглаза она и безрука,
но такая молва глупа,
любовь моя — в том порука.

Прозорлива любовь моя!
Знаю,
видит мысли мои некто,
Пусть для них есть некто.

Мы туда недаром заглянули,
Радостью недаром вспыхнул взор:
В шаре — полукруглые Исык-Куля,
Очертания киргизских гор.

И рисунком по слововой кости,
Скрытым оболочкою резной.

Мы туда недаром заглянули,
Радостью недаром вспыхнул взор:
В шаре — полукруглые Исык-Куля,
Очертания киргизских гор.

И рисунком по слововой кости,
Скрытым оболочкою резной.

Мы туда недаром заглянули,
Радостью недаром вспыхнул взор:
В шаре — полукруглые Исык-Куля,
Очертания киргизских гор.

И рисунком по слововой кости,
Скрытым оболочкою резной.

Мы туда недаром заглянули,
Радостью недаром вспыхнул взор:
В шаре — полукруглые Исык-Куля,
Очертания киргизских гор.

ЛЮБОВЬ

Она знает, что был я вчера
на концерте, —
не сводил с черноокой
глаз.

Не слепя любовью!
Не верьте.
Ведь она же увидела нас.

Да, со мною любовь,
Поспешу,
рука об руку.
Всюду она!

Бережет от всего:
от простуды,
незгоды, зазнайства,
вина.

Говорят, что любовь незряча
и не видит, где свет,
где мрак.

Если это, друзья мои,
то просто, значит,
не любовь.

Авторизованный перевод с абхазского
Владимира ВОЛЬДО

Выше зная партийности литературы!

С пленума правления Союза писателей Киргизии

Недавно во Фрунзе состоялся пленум правления Союза писателей Киргизии. Участники пленума обсудили доклад А. Салиева «О задачах киргизской литературы в свете решений XX съезда КПСС», доклад У. Джангалиева «Некоторые вопросы развития киргизской советской прозы на современном этапе», а также содоклады К. Асаналиева и Е. Павличкина.

А. Салиев отметил, что за последние годы в киргизской литературе появились произведения, хорошо встреченные читателями. Таков, например, роман Т. Сыдыкбекова «В горах», в котором дана картина жизни киргизских аялов в период коллективизации. Привлек внимание читателей роман А. Токомбаева «Токтогул». В журнале «Ала Тоо» опубликована первая часть написанного на современном материале романа Т. Абдумомунова «Под голубым небом». Появились повести Ш. Бейшеналиева «Кычан» и Я. Шивазы «Друзья из Синь-Луна». Русский писатель Н. Удалов выступил с романом «Горные просторы». А. Салиев подчеркнул, что киргизская литература должна быть не только художественно качественной, но и партийно-идеологической.

Некоторые сдвиги наблюдаются в поэзии и драматургии. Готовится к печати новая пьеса К. Маликова «На высокой земле». В этой пьесе впервые в киргизской драматургии выведены образы Владимира Ильича Ленина и земляка киргизов Михаила Васильевича Фрунзе. Активно работает талантливый молодежь — С. Джусупов, В. Сарытогов, К. Каимов и другие.

Вместе с тем в творчестве киргизских и русских писателей республики есть серьезные неудачи принципиального характера. В рассказе Н. Байтемирова «Дикарь» неправильно обрисован образ киргизского народа до революции. Рассказ художественно слаб, страдает натурализмом. Резко критиковал А. Салиев и повесть М. Аскакова «Золотые часы», справедливо упрекая автора в чрезмерном сгущении красок при изображении тeneвых сторон нашей действительности.

Центральное место в докладе А. Салиева заняли вопросы идейности, партийности нашей литературы. Докладчик полемизировал с рядом положений, высказанных К. Симоняновым в его «Литературных заметках», не затронутых в № 12 «Нового мира» за 1956 год, критиковал роман В. Дудинцева «Не хлебом единым».

Говоря о методе социалистического реализма и тех нападках, которым он подвергается в последнее время со стороны наших идейных противников за рубежом, докладчик подчеркнул, что советские писатели не поколебали верны методу социалистического реализма. Основными традициями советской литературы всегда были и остаются правдивое изображение действительности в ее революционном развитии, марксистско-ленинская идейность, партийность, глубокая народность.

Киргизская литература имеет серьезные достижения, но писатели еще робко обращаются к темам современности и не создали значительных произведений о жизни народа в наши дни. Одна из причин этого —

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Состоялось расширенное заседание правления Союза писателей Киргизии, посвященное подготовке к предстоящей декаде азербайджанского искусства и литературы в Москве. Утвержден список произведений, которые намерено издать. Для подготовки к декаде образованы комиссии.

В Белоруссии начинают издаваться журналы «Вяселка» («Радуга») для дошкольников и учеников младших классов. В апреле самые маленькие белорусские читатели получат первую многоцветную оформленную книжку журнала с рассказами и стихотворениями, песнями, сказками и загадками.

В связи с 50-летием со дня рождения писателя Н. Асанова со стороны Московского отделения Союза писателей послано ему приветствие, в котором отмечено, что его очерки, рассказы и романы «Волшебный остров», «Ветер с моря» и «Электрический котенок» получили признание широких читательских кругов.

Вышла очередная альманаха «Ленинградский альманах». Из крупных прозаических произведений номера называем первую повесть В. Шефнера «Облака на рассвете», фантастическую повесть М. Лилиной «Прыжок в неизвестность». В альманахе публикуются очерки, рассказы, стихи, воспоминания. Впервые печатается неизвестная повесть А. Куркина «Грань столетия».

На заседании секции поэзии Союза писателей Белоруссии обсуждалась новая книга стихов Алесия Звонака «Тебе одной». Выступавшие отмечали, что его стихи проникнуты искренним патристическим чувством, просты и ясны по форме, по-настоящему возвышенными, радуют жанровым разнообразием. Вместе с тем было указано на некоторую усложненность форм, вычурность и риторичность ранних стихов, составляющих первый раздел сборника.

В задачи новой студии входит также подготовка телевизионных программ и телефильмов. Для съемки их будет широко использоваться актерская молодежь студии, а в качестве режиссеров — актеры и кинематографисты. Зрительный зал бывшего Театра-студии киноактера предназначается теперь для показа телевизионных программ и премьер кинокартин.

В задачи новой студии входит также подготовка телевизионных программ и телефильмов. Для съемки их будет широко использоваться актерская молодежь студии, а в качестве режиссеров — актеры и кинематографисты. Зрительный зал бывшего Театра-студии киноактера предназначается теперь для показа телевизионных программ и премьер кинокартин.

В задачи новой студии входит также подготовка телевизионных программ и телефильмов. Для съемки их будет широко использоваться актерская молодежь студии, а в качестве режиссеров — актеры и кинематографисты. Зрительный зал бывшего Театра-студии киноактера предназначается теперь для показа телевизионных программ и премьер кинокартин.

В задачи новой студии входит также подготовка телевизионных программ и телефильмов. Для съемки их будет широко использоваться актерская молодежь студии, а в качестве режиссеров — актеры и кинематографисты. Зрительный зал бывшего Театра-студии киноактера предназначается теперь для показа телевизионных программ и премьер кинокартин.

В задачи новой студии входит также подготовка телевизионных программ и телефильмов. Для съемки их будет широко использоваться актерская молодежь студии, а в качестве режиссеров — актеры и кинематографисты. Зрительный зал бывшего Театра-студии киноактера предназначается теперь для показа телевизионных программ и премьер кинокартин.

влиянием настроений часто мимолетных. Этим летом я слышал от одного советского критика рассуждения несправедливые по отношению к нашему литературному прошлому: ему вдруг показалось, что ничего доселе не было, все нужно начинать сначала. Прошло несколько месяцев. Четвертые страницы наших газет, где печатаются телеграммы из-за границы, помрачнели. И вот находится другой критик, который заявляет: раньше все было в литературе хорошо, а теперь вдруг стало плохо. Я не шаржирую: недавно в «Литературной газете» я прочитал обширную статью критика Зелинского о прекрасном сборнике «День поэзии», который порадовал всех любящих стихи. В этой статье Зелинский пишет, что еще подчеркивает это курсивом, что в сборнике он увидел «ослабление чувства современности». По его словам, стихи, представленные в альманахе, — «определенный крен в сторону лирики описательной и лирики «вообще». Между тем советская культура, в частности советская литература, и в прошлом, и в настоящем неотделима от чувства современности. Неадекватно первичная и жалкая это одна крайности к другой. Когда Спаак улыбался, мы знали, что нам нужны гражданское мужество, стойкость и неприимчивость в капиталистическому миру. Когда Спаак гнетается, мы знаем, что советской поэзии нужна лирика и что советский читатель не может удовлетвориться только гражданской поэзией. Крен я наблюдаю не столько в литературе, сколько в литературе о литературе.

Вернусь к вопросу о социалистическом реализме. Ошибка Телина в том, что он его рассматривает как художественное направление. Между тем социалистический реализм — мировоззрение, может писать писатель или художник усвоившие, но он не должен видеть многообразие художественных течений, жанров, форм.

Нужно уметь отделить понятие социалистического реализма от злоупотреблений этими словами. Если вкратце в былые годы хотелось очертить пейзажи Сарьяна или натюрморты Кочаловского, то он уверял, что такие полотна противны социалистическому реализму, и противопоставил им одографические парадные портреты, в которых не было ни социалистического восприятия мира, ни реалистичности. То же самое мы видели порой и в статьях о литературе: у некоторых критиков имелось всего два подхода — книга, получающая премию, преподавалась как шедевр социалистического реализма, и те же критики рассматривали негодное им художественное произведение как преступный акт, обвиняя автора

в том, что он нарушил все принципы социалистического реализма.

Все это показывает не ошибочное мировоззрение, а его догматическое, даже бюрократическое истолкование.

Мировоззрение никогда не предопределяло ни рамок изображаемого мира, ни художественных приемов. Фра Анджелико, Учелло и Мазаччо были не только современниками, но и людьми одного мировоззрения, которое мы определяем, как своеобразное сочетание еще живой религиозной настроенности средневековья с первыми критическими суждениями гуманизма. Однако как различны эти три мастера, как непохожи умилительные мальчики Фра Анджелико на женщин во плоти Мазаччо или на неустойчивых всадников Учелло!

Пожой ли «Петр» А. Толстого на «Бюлль» Тынянова, похожа ли «Конария» на «Разгром», похожи ли стихи Твардовского на стихи Мартынова? А ведь все эти произведения теперь спокойно причисляются к социалистическому реализму.

Некоторые западные писатели говорят, что советская литература плоха тем, что она тенденциозна. Не знаю, что больше в таких обвинениях — неумелость или лицемерия. Тенденциозность — это страстность, а страстность всегда жила в настоящем искусстве. «Божественная комедия» или «Красное и белое» Стендаля не только тенденциозны, в этих произведениях огонь политической борьбы, и, однако, они выдержали испытание временем. Если художник любит своих героев, если он предан той идее, которая его вдохновляет, он неизбежно тенденциозен. Так называемое «чистое искусство» далеко не чисто, оно тоже полно своеобразной тенденциозности. Замыкаясь в себе, художник отказывается от борьбы за большие человеческие ценности. Нет, не тенденциозность принижает некоторые произведения нашего искусства, а душевный холод, отсутствие подлинного вдохновения, пренебрежение к человеческим чувствам, и к законам искусства.

Басня — вполне достойный жанр литературного творчества, и в баснях, как известно, часто имеется моральное заключение. Однако нельзя писать романы и пьесы, как басни. Здесь прежде всего неуважение к читателю, боязнь, а вдруг он не поймет, в чем идея произведения. Читатель, закачивая такой роман или уходя со спектакля, думает: что за глупый автор, вот Толстой или Чехов писали иначе... Басни охотнее читают дети, нежели взрослые. Многие наши книги, предназначенные для взрослых, написаны с глубоким убеждением, что читатель — дитя. Известная доля вины ложится на нашу

критику, которая отстает от литературы и, что еще хуже, от жизни.

Некоторые критики весьма наивно представляют себе воздействие художественного произведения на советского человека. По их мнению, если показать идеального труженика, все будут ему подражать, а если вывести негодяя, то все негодяи, кроме разве негодяйских, сразу станут честными тружениками. Случно даже спорить с ними, хочется сказать: выйдите, наконец, из ваших кабинетов, поговорите с живыми людьми, перед вами не пятый класс семилетки, а зрелый и мудрый народ, который идет вперед других народов, который трудится, борется, страдает и радуется.

Подходя к любому художественному произведению, критик указанного рода обязательно раскладывают героев на подочку — положительные и отрицательные. Если у положительного героя оказывается много недостатков, критики недовольны. Если отрицательный герой обладает некоторыми хорошими чертами, критики сердятся: пороки нарушен. Они не задумываются над тем, что отличает наши пятидесятые годы от двадцатых. Тридцать лет назад у нас шла классовая борьба, люди, сформировавшиеся в капиталистическом обществе и заинтересованные в ослаблении социалистической системы, были реальными врагами. Иное мы видим теперь: в годы войны, в годы послевоенного восстановления наш народ показал адекватно, и выдержку, и душевную силу. Однако преступной и уж, конечно, вздорной была идея, что из нашей жизни исчезли конфликты, противоречия, борьба. Все стало сложное. Борьба между будущим и прошлым, между высоким и низким происходит в сознании, в чувствах миллионов людей. Мы ежедневно наблюдаем вокруг себя множество противоречий. Дельный директор преступно равнодушен к судьбам своих работников; инженер-новатор в семейной жизни придерживается морали «Домостроя»; человек, показавший на войне подлинную отвагу, ведет себя трусливо, лебезит перед начальником. Долг писателя — показывать не конструкцию станков, а внутренний мир человека, стоящего у станка, и писатель, который честно хочет изобразить современного советского героя, не может ограничиться двумя красками — белой или черной, жизнь требует другой, куда более богатой палитры.

Многие критики мне порой представляют лаборантов, проверяющими состав вина: какова сахаристость, не слишком ли много кислотности. Они весьма озабочены тем, чтобы в каждой книге были соблюдены пропорции. Если автор показывает бюрократа, то нужно обязательно рядом вывести честного ра-

ботника, который, опираясь на коллектив, борется против самотура. Если изображен халтурщик, то ему должен преградить путь самоотверженный художник. Если женщина в романе отличается легкомыслием, то ее подруга должна быть примером добродетели. Молодые авторы такая критика калечат, особенно критика еще не опубликованной рукописи. Молодой автор, написавший правдивый рассказ о халтурщике и не изображавший при этом бескорыстного художника, получает десять отказов от десяти редакций, он решает, что нужно послушаться «добрых советов», и сам превращается в халтурщика.

Нужно ли напоминать о том, что художественная индивидуальность автора предопределяет не только жанр произведения, но и круг изображаемого. Равнодействие, в котором лекутся некоторые критики, может существовать в совокупности литературы, но не в каждой отдельной книге. Между тем стоит писателю сосредоточить внимание на тeneвых сторонах жизни, как критики тотчас упрекают его в искажении действительности. Эти критики все время находятся в бительном состоянии не то хлопотливой нянюшки, не то опекуна, которому доверено воспитание несовершеннолетних. Они бояться: вдруг читатель, прочитав роман, где показан бесцеремный директор института, решит, что все директора такковы? Мне хочется повторить таким критикам то, что я говорил некоторым деятелям западной культуры: вы видите, что создано в нашей стране, задумайте, не дет ли, что это создал, перед вами не дет, а взрослый и духовно непоколебимый народ.

При стремлении «сбалансировать» в книге светлые и темные стороны жизни автор неизбежно грешит перед своей художественной совестью, кроме своей замисел, насилует себя — он боится, что его обвинят или в «дактировке», или — это чаще — в «клевете на советскую действительность».

В одну и ту же эпоху, в одном и том же журнале «Современник» работали Некрасов, Чернышевский и Салтыков-Щедрин. Можно ли было требовать от Некрасова, чтобы он показал с такой полнотой духовный мир революционера, как это сделал Чернышевский, или упрекать Салтыкова-Щедрина в том, что он не изображает замечательных русских женщин?

Мы справедливо смеялись над голливудскими фильмами, которые обязательно кончатся счастливой развязкой, «хеппи энд». Но скажем откровенно, у нас появляются романы с искусственно приданным концом, где бесполопучно разрешаются все конфликты. Между тем имеются конфлик-

ты, которые на самом деле еще не разрешены; разрешение их можно приблизить, показав их в литературе. Автор идет на компромисс: он боится, что книгу не счастливо развяжут не напечатают.

Теперь часто говорят, что нужно бороться против административного подхода к литературе. Многие в этом направлении уже сделано, но далеко еще не все. Редакторы некоторых журналов с неуверенной подозрительностью относятся к рукописям, особенно молодых авторов. По отношению к новым книгам, боясь их напечатать и в то же время не решаясь их отругать, издательства порой принимают тихое, но вряд ли умное решение: выпустить «сомнительную» книгу маленьким тиражом. Делается это не для того, чтобы проверить, понравится ли книга читателям, а для того, чтобы механически ограничить круг ее читателей. Работникам издательства, идущим на такие шаги, видимо, непонятны ни демократизм нашего общества, ни всенародность советской культуры.

Администрирование порой сказывается и в оценке опубликованных произведений. Помните, лет девять назад в Союзе писателей происходило обсуждение повести Симонова «Дым отечества». Все присутствовавшие писатели хорошо отзывались о повести. Несколько дней спустя в газете «Культура и жизнь» появилась статья, резко критикующая «Дым отечества», а заодно писателя Фелина и Зренбургера, которым эта повесть понравилась. В 1954 году весной в том же Союзе писателей обсуждался роман Пановой «Времена года», и почти все этот роман хвалили. Несколько месяцев спустя в одной из центральных газет была напечатана статья, где высказывалось противоположное мнение о книге Пановой. Недавно писатели обсуждали произведения некоторых молодых прозаиков и поэтов. Все они указывали на достоинства разбираемых ими произведений. И вдруг появляется ряд статей, в которых идет речь только об отрицательных сторонах такого-то романа или такого-то стихотворения. Настоящей дискуссии нет, как ее не было о «Дыме отечества» или о «Временах года». По-моему, книга нужно обсуждать, сопоставлять различные мнения, а не решать в административном порядке, хороши они или нет.

В других областях искусства можно увидеть односторонние явления. Неожиданно началась кампания против импрессионизма. Я говорю «неожиданно», потому что импрессионизм относится к прошлому мировому искусству, картины художников импрессионистов твердо заняли место во всех музеях мира, в том числе и в наших. Споры об импрессионизме были понятны девятью лет назад, когда Зюда страстно отстаивал новое течение в живописи от

сторонников академизма и романтизма. Никто сейчас не может всерьез говорить о подражании импрессионизму, как никто не может всерьез отрицать того, что у импрессионистов художнику есть чему поучиться. Полемические статьи против некоторых художников, положительно отзывавшихся о картинах французских мастеров XIX века, прозвучали не как творческая дискуссия о крупном историческом явлении, а как сепитические окрики классовых руководителей. Дело дошло до Фельдмана, который был напечатан в газете «Советская культура», где один из людей, где-то и что-то сказавший доброе об импрессионизме, трактуется в том тоне, в котором у нас пишут только о нарушителях общественного порядка.

Может быть, кто-нибудь из людей, свято преданных догматизму, скажет мне: уж не отрицаете ли вы руководство партии литературой? Нет, я отрицаю механическое, упрощающее вам, товарищ, понимание всех больших идей. Социальный заказ вы, например, понимаете просто как заказ издательством или редакцией рассказа или поэмы, в то время как понятие социального заказа более сложное. Выполнять социальный заказ — это не значит писать произведения по указанию такого-то редактора и на такую-то тему, это значит жить жизнью народа, быть с народом, отвечать на вопросы, которые его волнуют, освещать ему путь вперед. Партия в нашей стране руководит всей деятельностью народа, но в зависимости от характера деятельности меняется и характер руководства. Запол может выполнять план, здесь возможны точные указания, сроки, цифры. Ученый может работать над проблемой, облагораживая производство. Здесь уже невозможны точные сроки, здесь могут быть лишь вехи — нужно изучить такой-то вопрос. Физик, математик или биолог могут работать по своей собственной инициативе, их работы потом найдут практическое применение в производстве, в сельском хозяйстве. Литература, искусство не терпят по своей природе администрирования. Писатель нашей страны вдохновляется жизнью народа, и в этом — первое основное значение руководства партии литературой. Писатель принимает активное участие в строительстве коммунизма, даже если его общественная работа происходит всецело на письменном столе. Жизнь партии и жизнь советского народа тесно слеплены. XX съезд партии был всенародным событием. После него, товарищ, задающий мне каверзный вопрос, вам становится ясно, что это не просто, а это (Окончание на 4-й стр.)

АРАБЫ ХОТЯТ МИРА

Недавно я прочел в арабской печати полный текст послания Эйзенхауэра американскому конгрессу по вопросам Среднего Востока. Я слышал также присягу Эйзенхауэра, принесенную по случаю вступления на пост президента. Ее передавала радиостанция «Голос Америки» в одной из своих программ на арабском языке.

Не знаю почему, но память мне пришла моя покойная бабушка, которая, бывало, рассказывала нам, детям: «Наступит день, когда придет антихрист и будет говорить, что пришел спасти мир. Да только на самом-то деле придет он на погребль людям». Моя бабушка, как и многие простые добрые люди у меня на родине и во всем мире, была доверчива, ненавидела обман и считала, что все явления в мире объясняются просто, как дважды два четыре.

В своем послании конгрессу американский президент взял на себя роль «спокровителя» и «защитника» народов Среднего Востока, а в своей присяге уже объявил себя «защитником» и «спасителем» всего мира, не утруждая себя той мыслью, что никто его, собственно, об этом не просил.

Эйзенхауэр пытается убедить народы, что им грозит опасность «мирового коммунизма», «безбожия». Но, как говорится, «малыш подрос и стал смеяться над «букой». Сегодня арабы задают себе вопрос: «Где эта опасность? Кто настоящий враг и кто друг?» И, спрашивая себя так, они не находят никакой «советской» или «коммунистической» угрозы, но зато ясно видят острые зубы новоявленного «изавителя» и его союзников. Наш народ вспоминает известную пословицу: «Друг познается в беде».

Арабы ценят мирную политику, которую Советское государство проводит с самого момента его возникновения, вспоминают о том, как Советский Союз заявил о своей готовности прекратить англо-франко-израильскую агрессию в Египте и положить конец кровопролитию и разрушениям в арабских странах, как Советский Союз вместе с великим Китаем и всеми другими странами социалистического лагеря искренне вызвался помочь нам в защите нашего суверенитета.

Все это — помощь действительная и конкретная. Поэтому нас связывает с Советским Союзом, Китаем и всеми странами социалистического лагеря дружба чистая, как небо нашей родины, глубокая, как наследие нашей истории, непоколебимая, как наши горы, вечная, как наши кедры... дружба, покоящаяся на прочной основе — на взаимном уважении прав, на бескорыстной помощи, общем стремлении к миру, суверенитету и процветанию всех народов земного шара.

Президент Эйзенхауэр воздает хвалу участникам контрреволюционного мятежа в Венгрии. По его словам, «будущее стало символом стремления человечества к свободе». К какой свободе? Свободе для убийц, грабителей и хунтистов, поджигавших музеи, громивших библиотеки и дома культуры!

Однако американский президент ни единым словом не осудил агрессию его английских и французских союзников против Египта и обошел полным молчанием агрессивные действия и преступления, совершенные марionеткой США — Израилем. Он предпочел также промолчать об английской агрессии против Йемена.

Президент Эйзенхауэр и те, от чьего имени он выступал, говорят о своей «безоговорочной поддержке полного суверенитета и независимости всех стран на Среднем Востоке».

Говоря об «уважении», независимости народов, США установили свой контроль

над Панамским каналом, продолжая вмешиваться в дела Гватемалы и поддерживают в большинстве стран Латинской Америки правительства, покорные Вашингтону. Америка выступает вдохновительницей заговоров, направленных на подрыв независимости Сирии; американские компании в Ливане нарушают утвержденный парламентом закон о подоходном налоге.

Постоянный представитель США в ООН Лодж требует отторжения у Египта части его территории и передачи ее под контроль международных вооруженных сил. Америка отказывается признать суверенитет Египта над Суэцким каналом, строит военные базы в Марокко, Ливии, Саудовской Аравии и других странах, поставляет Франции оружие, которое та использует для насильственного подавления борьбы алжирского народа за свободу и независимость.

Президент горько сетовал на бедность и отсталость народов Азии и Африки, однако ни словом не обмолвился о причинах этой бедности и отсталости, не упомянул об империализме, который тяжелым кошмаром давит на эти народы, совет их национальные богатства и стоит препятствием на пути их прогресса.

Впрочем, президент, кажется, сказал, что хочет помочь этим народам поднять их экономику. Милости просим! Кто же откажется от помощи, если она идет от друга?

Но только какова предлагаемая Эйзенхауэром помощь? Каковы ее условия? Президент Эйзенхауэр готов ежегодно предоставлять нашим странам денежную помощь в размере 200 миллионов долларов. Но ведь прибыли одних только нефтяных компаний достигли в 1955 году почти двух миллиардов долларов! Она только американская компания АРАМКО получила от арабской нефти прибыль в 540 миллионов долларов. В Бувейте английские и американские нефтяные компании только за 3 месяца 1955 года получили прибыль, превышающую сумму их капиталовложений в этой стране. Что же достало из этой суммы на долю арабов? Ухо от верблюда, как говорится в арабской пословице.

А вот другой пример. Американская компания «Талпайн» и «Ирак Петролеум Компани» платят Ливану за пользование нефтепроводом, проходящим по его территории, менее 2 млн. ливанских фунтов, тогда как по ливанским законам они обязаны выплачивать Ливану по меньшей мере 90 млн. ливанских фунтов. Если бы американские компании платили сполна Ливану налог, установленный законом, нам вообще не была бы нужна никакая помощь и мы смогли бы быстрыми темпами поднять нашу экономику.

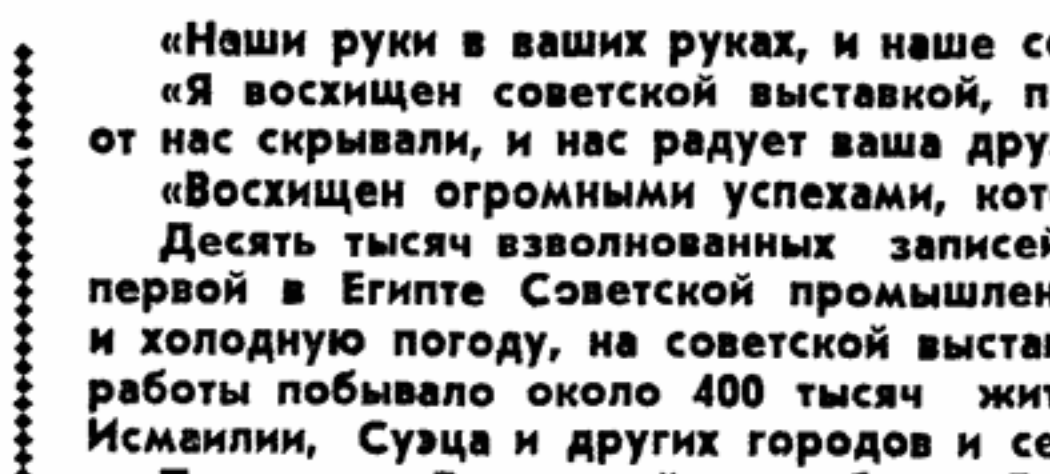
Итак, американская помощь — это малая часть наших же собственных капиталов, которую нам теперь предлагают вернуть. Но и это делается на определенных условиях!

На Среднем Востоке сосредоточено около двух третей разведанных мировых запасов нефти. Американские монополии владеют более чем двумя третями этого количества. Но им этого мало, они хотят целиком завладеть среднеазиатскими нефтяными богатствами за счет английских, французских и других иностранных нефтяных компаний. Они хотят контролировать Суэцкий канал и все другие жизненно важные наши сооружения. Они хотят превратить наши страны в свои колонии, а нас самих — в колониальных рабов.

США унижают наше национальное и

Ильяс ШАХИН, ленинградский журналист

«Наши руки в ваших руках, и наше сердце навечно с вами». «Я восхищен советской выставкой, показывающей нам такие вещи, которые от нас скрывали, и нас радует ваша дружба».

«Восхищен огромными успехами, которых достиг великий советский народ... Десятки тысяч взволнованных зрителей оставили в книге отзывов посетители первой в Египте Советской промышленной выставки. Несмотря на дождливую и холодную погоду, на советской выставке в Газере (район Каира) за 13 дней ее работы побывало около 400 тысяч жителей Каира, Александрии, Порт-Саида, Исмелии, Суэца и других городов и селений Египетской республики.

Президент Египетской республики Гамаль Абдель Насер после осмотра советской выставки оставил в книге отзывов следующую запись: «Я очень рад посещению русской выставки в Египте. Я восхищен огромным прогрессом, который я увидел во всех областях жизни. Я надеюсь, что эта выставка будет способствовать расширению торгового обмена между Советским Союзом и Египтом, что приведет к еще большему укреплению дружбы между нашими двумя странами».

На снимке слева — президент Египетской республики Гамаль Абдель Насер беседует с директором Советской промышленной выставки в Каире Д. Г. Борзенко; на снимке в центре — у входа на выставку; на снимке справа — посетители выставки осматривают советские сельскохозяйственные машины.

«Мы хотим невообразимого! Американский президент заявляет о своей любви к миру, основанному на справедливости, а не на страхе. И, очевидно, в интересах этого мира он требует предоставления ему права посылать американские вооруженные силы, подкрепленные атомным и ракетным оружием, в любой момент в любую из стран Ближнего Востока. Американские войска призваны изобавить нас от страха и установить у нас «вечный мир» — мир могильного покоя, едва лишь американскому президенту придет в голову, что на Ближнем Востоке существует угроза «коммунистической агрессии», или «подрывной деятельности», или что в этом районе образовалась будто бы «вакуум»».

Арабские народы, пережившие господство чужеземцев и победившие их при поддержке всех народов Азии и Африки и в первую очередь при поддержке великого Советского Союза и народного Китая, полны решимости идти по пути, который они для себя избрали, — по пути полного освобождения от империализма, по пути дружбы и сотрудничества со всеми народами, и в особенности с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой.

И никакая сила в мире, никакое атомное или реактивное оружие не могут заставить арабские народы и свернуть их с этого пути.

Арабы будут рука об руку с другими народами мира бороться во имя того, чтобы сохранить мир нашим детям, бороться за то, чтобы мир не зависел от воли одного человека и от злой воли тех, в чьих интересах он действует.

Если он честен и способен разглядеть не только детали, то он неминуемо признает значение нашего роста для прогресса всего человечества.

События последних месяцев, новое обострение международной обстановки усиливают душевную беспокойность многих представителей западной интеллигенции. Им трудно понять, что путь к социализму не усяпан цветами, что борьба за будущее, строительство будущего трудны, порой чреватые и тяжелыми потрясениями и глубокой душевной болью. Верность — отнюдь не рабское чувство, верность — высокая добродетель. Она связана с известным самоограничением и в отношении к другим людям, и в отношении к обществу. Это самоограничение диктуется разумом и совестью, пониманием необходимости считаться с жертвами народа, с его надеждами.

Миру корысти и духовного застоя нельзя противопоставить ни бунт одиночки, ни декларацию, даже самую благородную, группы литераторов. Можно быть за социализм или против, нет ни «третьей силы», ни третьей пути, ни третьей судьбы.

Ровно пятьдесят лет назад подростком я впервые пришел на подпольное собрание московских рабочих. Я не могу провести прямую линию от того далекого дня до сегодняшнего: я часто блуждал в молодости, и путь мой был извилистым. Но теперь я вижу его направление, понимаю, к чему стремился, чего хотел. Может быть, потому что я помню мои давнишние блуждания, я не хочу осуждать тех западных писателей, которые теперь, охваченные тревогой, неуверенно озираются по сторонам. Я хочу только, чтобы они сумели отделить главное от всего того, что мешает им это главное увидеть. Я убежден, что с теми писателями Запады, которые, как Вернор или Карло Леви, спускают самым важным для себя «спонсиры правды», мы обязательно встретимся, если не завтра, то послезавтра.

В молодости часто говорил себе: может быть, лучше отложить написанное в ящик стола, подумать, поглядеть вокруг, подождать. В моем возрасте трудно откладывать. Да и время ускользает, что молчать нельзя. Время трудное, и ответственность каждого велика. Мы ни на шаг не отступим, в том порука — душа нашего народа.

В Берлине закончила свою работу конференция Союза писателей Германской Демократической Республики. Собравшиеся обсудили отчет о работе союза. Участники конференции приняли заявление, в котором говорится, что страны социалистического лагеря прочно стоят на страже мира во всем мире, и выражают уверенность, что их единство не улетит по ветру никому.

Писатели «приветствуют правительство Германской Демократической Республики, а также Советский Союз, эту великую страну рабочих и крестьян, друга и помощника, надежду человечества».

На заключительном заседании конференции состоялось выборы правления Союза писателей. Председателем правления единогласно избрана Анна Зегер.

Вот смысл постоянно сыпать друг друга бранью. Однако именно такого курса мы придерживаемся в отношении России и Китая. А разве не лучше было бы, как в наших собственных интересах, так и в интересах всего человечества, добиваться компромисса с Россией и признать Китай.

Конференция Союза писателей ГДР писателей ГДР

В Берлине закончила свою работу конференция Союза писателей Германской Демократической Республики. Собравшиеся обсудили отчет о работе союза. Участники конференции приняли заявление, в котором говорится, что страны социалистического лагеря прочно стоят на страже мира во всем мире, и выражают уверенность, что их единство не улетит по ветру никому.

Писатели «приветствуют правительство Германской Демократической Республики, а также Советский Союз, эту великую страну рабочих и крестьян, друга и помощника, надежду человечества».

«ВЭНЬИБАО» Китай

«Чанцзяньбао» и «Жэньминьбао» проходили дискуссия, посвященная проблемам дальнейшего развития современной литературы Китая, борьбе с догматизмом в теории литературы и схематизмом в художественной практике. Одной из центральных в дискуссии явилась проблема реализма современной литературы и углубленного толкования понятия социалистического реализма. В ходе дискуссии были высказаны различные мнения, порой полностью противоположные.

Следует заменить понятие «социалистический реализм» «реализмом социалистической эпохи» — как такой термин склонился критик Хэ Чжи, автор обширной статьи «Реализм — широкое понятие», и Чжоу Бо, опубликовавший статью «О реализме и его развитии в эпоху социализма».

С обстоятельной критикой этого положения в журнале «Вэньибао» выступил известный литературовед Чжан Гуан-нянь. В статье «Социалистический реализм существует и развивается» Чжан Гуан-нянь называет социалистический реализм «самым передовым литературным направлением современности», «важнейшим идеологическим оружием, находящимся в руках пролетариата».

В первой части своей статьи китайский критик подробно говорит о реализме литературы прошлого, анализирует положения, выдвинутые Хэ Чжи и Чжоу Бо, и делает вывод, что их суждения проистекают из неправильного понимания самой природы реализма в литературе.

Остановившись во второй части статьи на реализме великих писателей прошлого — Бальзака, Гоголя и Толстого, Чжан Гуан-нянь большое место уделяет проблеме связи мировоззрения и творческого метода. Он приводит высказывание Льва Толстого: «Писатель, который не имеет ясного, определенного и нового взгляда на мир, и тем более тот, который считает, что этого даже не нужно, не может дать художественного произведения. Он может много и прекрасно писать, но художественного произведения не будет».

Касаясь далее качественного отличия социалистического реализма от реализма прошлого, автор пишет: «Налицо блестящие достижения литературы социалистического реализма в СССР и других странах. Прекрасные произведения социалистического реализма, отразившие благородные идеалы рабочего класса, создавшие образы нового человека, пронизанные оптимистическим духом побед над старым... все это новые явления, впервые занявшие свое место в истории литературы».

Развивая свою мысль, Чжан Гуан-нянь отмечает, что «сегодня немало писателей старого реализма выросли в писателей социалистического реализма, — это естественный результат их перехода на социалистическую платформу. Изменение идеологии, образа мыслей повлекло за собой, неизбежно и постепенно, изменение эстетических

направлений и творческого метода. Прогресс художественных взглядов писателя, активное способствовавшее повышению его идеологического уровня».

Проблема связи мировоззрения и творческого метода уже больше не является чисто теоретической проблемой, а проблемой жизненной, практической. Если современный писатель не стремится понять правду социализма, не стремится повысить уровень своей революционной идеологии (не говоря уже о тех, которые продолжают придерживаться отсталых, реакционных взглядов), а полагается лишь на свою честность художника, то как же он сможет в сложной обстановке классовой борьбы, в обстановке идеологической борьбы быстро сменяющихся друг друга этапов социалистической революции «ловить «воздух реальной жизни», найти «социалистическую правду жизни» и автоматически «стать на путь реалистической правды»? Это легкомысленная болтовня, которая не в состоянии выдержать проверку фактами». В то же время, замечает критик, каковы будут цель и смысл творчества писателя, считающего себя «реалистом социалистической эпохи», если он не решает задачу коммунистического воспитания народа, если он не несет великую правду нашей социалистической эпохи в народные массы?

Чжан Гуан-нянь говорит далее о том, что социалистический реализм все более расширяет свои «владения» в мировой литературе, «завоевывает себе право на существование в прогрессивной литературе Индии и арабских стран. Это великая победа марксизма в сфере идеологии... Китайский критик подчеркивает активный, боевой характер литературы социалистического реализма и продолжает: «...где и когда в истории литературного движения, литературное направление было проникнуто такими идеями, борьба за которые люди отдавали бы из поколения в поколение свои жизни? Социалистический реализм, идя навстречу требованиям нового человека, стремится полностью развить все благородное и прекрасное в его духовной жизни и отбросить все отрицательное и отвратительное».

«По отношению к своему блестящему будущему, — пишет далее Чжан Гуан-нянь, — социалистический реализм переживает свою молодость. Но совершенно ясно, что близорукие те люди, которые в его неполной зрелости видят основания для пессимизма. То тут, то там проскальзывают полные сомнения взгляды, то отсюда, то оттуда его окутывают волны неодолимой тоски, но все это лишь закаляет его».

Подчеркнув необходимость для китайских писателей полное и глубокое овладение методом социалистического реализма, предлагающего разнообразие индивидуальных стилей, форм и жанров, Чжан Гуан-нянь заключает свою статью словами: «Перед нашей литературой широкая дорога — дорога служения народу».

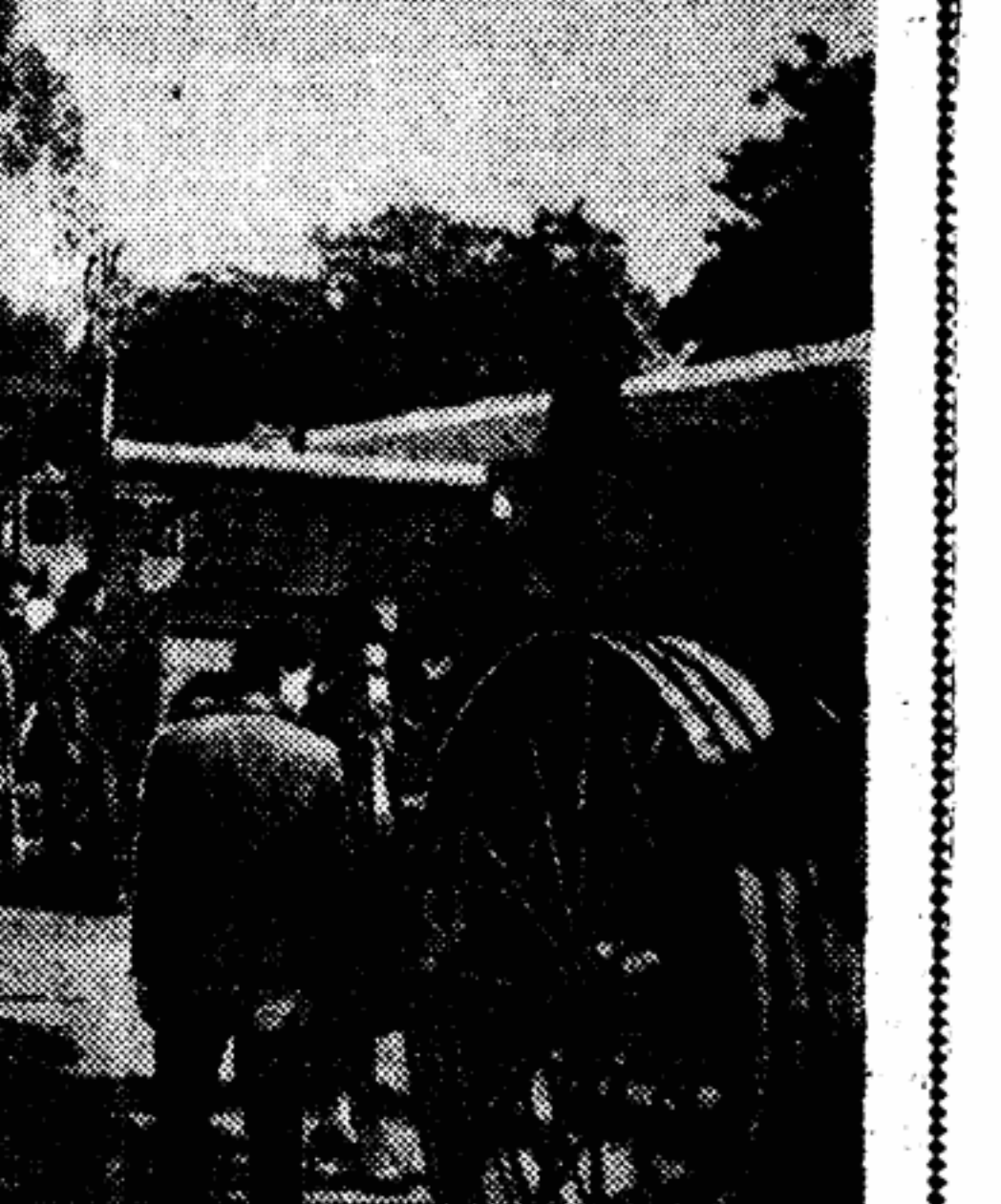
Итальянский прогрессивный еженедельник и «Контемпоранео» («Современник») опубликовал в одном из последних номеров редакционную статью о советском журнале «Иностранная литература». В статье говорится, что за время, истекшее с начала его издания, «журнал «Иностранная литература», орган Союза писателей СССР, успел внести значительный вклад в усилия, направленные на более точное и глубокое ознакомление читателя с зарубежной культурой».

«Контемпоранео» отмечает далее, что первые итоги работы журнала являются свидетельством того, что он не только отвечает своей деятельностью насущным потребностям советского общества, но и играет важную роль в деле взаимного познания. В статье подчеркивается, что «Иностранная литература» достигла этого благодаря «некоторым своеобразным новым методам, применяемым журналом для изучения мировой культуры». Как одну из отличительных черт журнала «Иностранная литература», итальянский еженедельник выделяет «насыщенность информационным материалом».

Итальянский еженедельник пишет далее, что на страницах журнала «Иностранная литература» советским читателям представлена обширная панорама мировой литературы. Значительным достижением советского журнала «Контемпоранео» считает «критическое исследование явлений зарубежной культуры».

Самую характерную и новую черту деятельности журнала итальянский еженедельник видит в том, что «он, в отличие от нас, широко представляет на своих страницах литературное творчество колониальных народов».

Итак, пишет в заключение «Контемпоранео», можно сказать, что «Иностранная литература» является сегодня одним из немногих органов, позволяющих деятелям культуры узнать писателей всех континентов, а следовательно, и народы любого культурного уровня и социального уклада».

«ВЭНЬИБАО» Китай

«Чанцзяньбао» и «Жэньминьбао» проходили дискуссия, посвященная проблемам дальнейшего развития современной литературы Китая, борьбе с догматизмом в теории литературы и схематизмом в художественной практике. Одной из центральных в дискуссии явилась проблема реализма современной литературы и углубленного толкования понятия социалистического реализма. В ходе дискуссии были высказаны различные мнения, порой полностью противоположные.

Следует заменить понятие «социалистический реализм» «реализмом социалистической эпохи» — как такой термин склонился критик Хэ Чжи, автор обширной статьи «Реализм — широкое понятие», и Чжоу Бо, опубликовавший статью «О реализме и его развитии в эпоху социализма».

С обстоятельной критикой этого положения в журнале «Вэньибао» выступил известный литературовед Чжан Гуан-нянь. В статье «Социалистический реализм существует и развивается» Чжан Гуан-нянь называет социалистический реализм «самым передовым литературным направлением современности», «важнейшим идеологическим оружием, находящимся в руках пролетариата».

В первой части своей статьи китайский критик подробно говорит о реализме литературы прошлого, анализирует положения, выдвинутые Хэ Чжи и Чжоу Бо, и делает вывод, что их суждения проистекают из неправильного понимания самой природы реализма в литературе.

Остановившись во второй части статьи на реализме великих писателей прошлого — Бальзака, Гоголя и Толстого, Чжан Гуан-нянь большое место уделяет проблеме связи мировоззрения и творческого метода. Он приводит высказывание Льва Толстого: «Писатель, который не имеет ясного, определенного и нового взгляда на мир, и тем более тот, который считает, что этого даже не нужно, не может дать художественного произведения. Он может много и прекрасно писать, но художественного произведения не будет».

Касаясь далее качественного отличия социалистического реализма от реализма прошлого, автор пишет: «Налицо блестящие достижения литературы социалистического реализма в СССР и других странах. Прекрасные произведения социалистического реализма, отразившие благородные идеалы рабочего класса, создавшие образы нового человека, пронизанные оптимистическим духом побед над старым... все это новые явления, впервые занявшие свое место в истории литературы».

Развивая свою мысль, Чжан Гуан-нянь отмечает, что «сегодня немало писателей старого реализма выросли в писателей социалистического реализма, — это естественный результат их перехода на социалистическую платформу. Изменение идеологии, образа мыслей повлекло за собой, неизбежно и постепенно, изменение эстетических

направлений и творческого метода. Прогресс художественных взглядов писателя, активное способствовавшее повышению его идеологического уровня».

Проблема связи мировоззрения и творческого метода уже больше не является чисто теоретической проблемой, а проблемой жизненной, практической. Если современный писатель не стремится понять правду социализма, не стремится повысить уровень своей революционной идеологии (не говоря уже о тех, которые продолжают придерживаться отсталых, реакционных взглядов), а полагается лишь на свою честность художника, то как же он сможет в сложной обстановке классовой борьбы, в обстановке идеологической борьбы быстро сменяющихся друг друга этапов социалистической революции «ловить «воздух реальной жизни», найти «социалистическую правду жизни» и автоматически «стать на путь реалистической правды»? Это легкомысленная болтовня, которая не в состоянии выдержать проверку фактами». В то же время, замечает критик, каковы будут цель и смысл творчества писателя, считающего себя «реалистом социалистической эпохи», если он не решает задачу коммунистического воспитания народа, если он не несет великую правду нашей социалистической эпохи в народные массы?

Чжан Гуан-нянь говорит далее о том, что социалистический реализм все более расширяет свои «владения» в мировой литературе, «завоевывает себе право на существование в прогрессивной литературе Индии и арабских стран. Это великая победа марксизма в сфере идеологии... Китайский критик подчеркивает активный, боевой характер литературы социалистического реализма и продолжает: «...где и когда в истории литературного движения, литературное направление было проникнуто такими идеями, борьба за которые люди отдавали бы из поколения в поколение свои жизни? Социалистический реализм, идя навстречу требованиям нового человека, стремится полностью развить все благородное и прекрасное в его духовной жизни и отбросить все отрицательное и отвратительное».

«По отношению к своему блестящему будущему, — пишет далее Чжан Гуан-нянь, — социалистический реализм переживает свою молодость. Но совершенно ясно, что близорукие те люди, которые в его неполной зрелости видят основания для пессимизма. То тут, то там проскальзывают полные сомнения взгляды, то отсюда, то оттуда его окутывают волны неодолимой тоски, но все это лишь закаляет его».

Подчеркнув необходимость для китайских писателей полное и глубокое овладение методом социалистического реализма, предлагающего разнообразие индивидуальных стилей, форм и жанров, Чжан Гуан-нянь заключает свою статью словами: «Перед нашей литературой широкая дорога — дорога служения народу».

Итак, пишет в заключение «Контемпоранео», можно сказать, что «Иностранная литература» является сегодня одним из немногих органов, позволяющих деятелям культуры узнать писателей всех континентов, а следовательно, и народы любого культурного уровня и социального уклада».

Итак, пишет в заключение «Контемпоранео», можно сказать, что «Иностранная литература» является сегодня одним из немногих органов, позволяющих деятелям культуры узнать писателей всех континентов, а следовательно, и народы любого культурного уровня и социального уклада».

Итак, пишет в заключение «Контемпоранео», можно сказать, что «Иностранная литература» является сегодня одним из немногих органов, позволяющих деятелям культуры узнать писателей всех континентов, а следовательно, и народы любого культурного уровня и социального уклада».

Итак, пишет в заключение «Контемпоранео», можно сказать, что «Иностранная литература» является сегодня одним из немногих органов, позволяющих деятелям культуры узнать писателей всех континентов, а следовательно, и народы любого культурного уровня и социального уклада».

Необходимое объяснение

(Окончание. Начало на 2-3-й стр.)

до труднее, а литературе легче. Я возражаю не против коммунистической направленности нашей литературы, а против административного к ней подхода, о некоторых проявлениях которого я упоминаю.

Писатель должен жить жизнью народа, ставить социальные проблемы, освещать еще недостаточно яственные психологические процессы, он должен опережать своих читателей. Мало излагать в форме романа, пьесы или повести то, что писатель прочитал в газете. Писатель должен участвовать в строительстве общества, в развитии его культуры, в духовном росте советского человека. Он сможет это осуществить, раскрывая внутренний мир своих героев с такой правдивостью и глубиной, чтобы читатели лучше поняли себя и своих современников, чтобы читатели легче было искоренить дурное, названное, чужеродное как вокруг себя, так и в себе. Писатель сможет выполнять свою задачу, если он будет зорко наблюдать и остро переживать наблюдаемое, если он будет помнить и о своем призвании и о своей ответственности. Литератор, который рассматривает служение, как службу, не только ровет свой авторитет, он становится ненужным. Вспомни великих русских писателей прошлого века, вспомни людей, которых многие из нас знали, — Горького, Блока, Маяковского. Не каждому дано быть гением, но каждый обязан помнить о долге писателя. Для того, чтобы быть настоящим писателем, мало уметь построить роман или пьесу (это, разумеется, тоже необходимо), нужно выстраивать тему, нужно не пересказывать, а преиспытывать.

Перед каждым советским писателем стоят трудные задачи: оказаться на должной высоте, быть писателем, достойным своего народа. Перед каждым писателем стоит также помехи, о которых я говорил, — хвосты минувших лет; после ХХ съезда партии я вправе назвать их анахронизмами.

Самое трудное поэзии: создано то общество, которое должно опаздывать надежды передового человечества. Впервые в истории в создании культуры привлечены не только узкие круги общества. Сельская учительница, которая не написала, как и миллионы других работников просвещения, многое сделала для того, чтобы расширить и углубить культуру. Она саяла и вправе рассчитывать на урожай.

В различных письмах, адресованных советским писателям некоторыми прогрессивными писателями Запады, находящимися в смятении, имеются вопросы: движется ли развитие советской культуры вперед по пути, намеченному ХХ съездом партии, или же мы сворачиваем с этого пути? Может быть, моя статья для ставящих такие вопросы будет одним из признаков того, несмотря на обострение международного положения, на ярость врагов социализма, мы идем вперед, и нет для нас ни отступлений, ни блужданий по боковым тропинкам.

Западной интеллигенции пора бы отказаться от упрощенного представления о советском обществе, которое десятилетиями изображалось за рубежом то как ас, то как рай. Мы живем на земле. У нас много трудностей. Но мы счастливы тем, что первые вступили на новый путь, на путь, который будет путем всего человечества. Мне кажется вполне естественным, что тот или иной западный писатель во многом с нами не согласен, многое у нас критикует. Если он честен и способен разглядеть не только детали, то он неминуемо признает значение нашего роста для прогресса всего человечества.

События последних месяцев, новое обострение международной обстановки усиливают душевную беспокойность многих представителей западной интеллигенции. Им трудно понять, что путь к социализму не усяпан цветами, что борьба за будущее, строительство будущего трудны, порой чреватые и тяжелыми потрясениями и глубокой душевной болью. Верность — отнюдь не рабское чувство, верность — высокая добродетель. Она связана с известным самоограничением и в отношении к другим людям, и в отношении к обществу. Это самоограничение диктуется разумом и совестью, пониманием необходимости считаться с жертвами народа, с его надеждами.

Миру корысти и духовного застоя нельзя противопоставить ни бунт одиночки, ни декларацию, даже самую благородную, группы литераторов. Можно быть за социализм или против, нет ни «третьей силы», ни третьей пути, ни третьей судьбы.

Ровно пятьдесят лет назад подростком я впервые пришел на подпольное собрание московских рабочих. Я не могу провести прямую линию от того далекого дня до сегодняшнего: я часто блуждал в молодости, и путь мой был извилистым. Но теперь я вижу его направление, понимаю, к чему стремился, чего хотел. Может быть, потому что я помню мои давнишние блуждания, я не хочу осуждать тех западных писателей, которые теперь, охваченные тревогой, неуверенно озираются по сторонам. Я хочу только, чтобы они сумели отделить главное от всего того, что мешает им это главное увидеть. Я убежден, что с теми писателями Запады, которые, как Вернор или Карло Леви, спускают самым важным для себя «спонсиры правды», мы обязательно встретимся, если не завтра, то послезавтра.

В молодости часто говорил себе: может быть, лучше отложить написанное в ящик стола, подумать, поглядеть вокруг, подождать. В моем возрасте трудно откладывать. Да и время ускользает, что молчать нельзя. Время трудное, и ответственность каждого велика. Мы ни на шаг не отступим, в том порука — душа нашего народа.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отделы: литератур народов

Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней СССР — Б 8-59-17, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.

Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРБЕНИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМОРНОВ, В. ФЛОТОВ.